

«В полях забытые усадьбы...»

Сады, парки, усадьбы
в художественной литературе

дайджест

Орёл
2020

«В полях забытые усадьбы...»

Сады, парки, усадьбы
в художественной литературе

дайджест

ББК 91.9:84

В 11

«В полях забытые усадьбы...»: сады, парки, усадьбы в художественной литературе» : дайджест / БУКОО «Библиотека им. М. М. Пришвина» ; [сост. А. Г. Ноготкова]. – Орёл, 2020. – 85 с.

В дайджесте собраны отрывки из художественных произведений, рассказывающие о садах, парках, старинных дворянских усадьбах. Дайджест снабжен «Алфавитным указателем авторов», «Алфавитным указателем заглавий».

Адресован широкому кругу читателей: учащимся, студентам, педагогам, литераторам, библиотечным специалистам.

Рекомендовано к печати редакционно-методическим советом БУКОО «Библиотека им. М. М. Пришвина»

Ответственный за выпуск: И. А. Никашкина, директор БУКОО «Библиотека им. М. М. Пришвина»

Составитель, компьютерная вёрстка: А. Г. Ноготкова, ведущий методист

От составителя

При слове «усадьба» мы переносимся в мир давно ушедший, но сохранившийся в воображении многих поколений людей. Дворянская усадьба – это целый мир с историческими традициями, семейными преданиями, реликвиями, кругом друзей и знакомых. Здесь, в родовом гнезде, для многих происходило открытие и познание Родины, природы, русского языка, «русского духа».

Усадьба – это и духовная крепость, источник душевных сил, воспоминаний о прошлом и размышлений о будущем, «всегда желанный уголок».

Обязательной принадлежностью дворянской усадьбы был парк (сад).

Невозможно представить себе дворянского имения без сада (так раньше назывался парк), и создавался он не для получения урожая, а для эстетического наслаждения. С этим участком возделанной и облагороженной земли были связаны воспоминания о любовных свиданиях, грустных, одиноких прогулках, встречах и прощаниях... и, конечно, надежды. В изображении сада в поэтических произведениях есть какой-то утраченный нашим пониманием смысл, как есть он и в построении садов в «дворянских гнёздах». Сад влиял на формирование человека, пробуждая в нём желание творчества, способствуя его лирической настроенности.

Поэзия и проза о старых усадьбах, приусадебных садах и парках – это совершенно особая страница в классической русской литературе. Произведения об усадьбе писали А. С. Пушкин, А. А. Фет, И. С. Тургенев и многие другие писатели.

В дайджесте собраны отрывки из произведений известных русских писателей.

Расположение материала в сборнике – в алфавитном порядке авторов.

Дайджест снабжен «Алфавитным указателем авторов», «Алфавитным указателем заглавий».

Дайджест адресован широкому кругу читателей: учащимся, студентам, педагогам, литераторам, библиотечным специалистам.

От составителя	1
Сады и парки	7
1. Аксаков Сергей Тимофеевич	7
«Детские годы Багров-внука» (6+)	8
2. Анненский Иннокентий Фёдорович	8
"Nox vitae" (12+)	8
2. Булгаков Михаил Афанасьевич	8
«Белая гвардия» (16+)	9
4. Бунин Иван Алексеевич	9
«Антоновские яблоки» (16+)	9
«Жизнь Арсеньева» (16+)	10
«Запустение» (16+)	11
«Суходол» (12+)	12
5. Гоголь Николай Васильевич	12
«Мёртвые души» (12+)	13
6. Гончаров Иван Александрович	13
«Обрыв» (12+)	14
«Обыкновенная история» (12+)	14
7. Зайцев Борис Константинович	14
«Анна» (12+)	15
«Голубая звезда» (12+)	15
8. Иванов Вячеслав Иванович	16
«В лепоту облечеса» (16+)	16
9. Короленко Владимир Галактионович	16
«Слепой музыкант» (12+)	16
10. Куприн Александр Иванович	17
«Гранатовый браслет» (16+)	17
11. Лесков Николай Семёнович	17
«На ножах» (16+)	17
12. Мережковский Дмитрий Сергеевич	18
«Старинные октавы» (16+)	18
13. Пастернак Борис Леонидович	18
«Доктор Живаго» (16+)	18
14. Помяловский Николай Герасимович	19
«Мещанское счастье» (12+)	19
15. Пушкин Александр Сергеевич	20

«Дубровский» (12+).....	20
«Капитанская дочь» (12+)	20
16. Романов Пантелеймон Сергеевич.....	21
«Детство» (16+)	21
17. Садовской Борис Александрович	23
«Лебединые клики» (16+)	23
18. Салтыков-Щедрин Михаил Евграфович.....	24
«Пошехонская старина» (12+)	25
19. Сологуб Фёдор Кузьмич	26
«Творимая легенда» (16+)	26
20. Толстой Алексей Николаевич.....	26
«Мечтатель (Аггей Коровин)» (16+)	26
«Машука Налымов» (16+)	27
21. Толстой Лев Николаевич.....	27
«Семейное счастье» (12+).....	27
«Юность» (12+)	27
22. Тургенев Иван Сергеевич	28
«Бригадир» (12+).....	29
«Дворянское гнездо» (12+).....	29
«Дневник лишнего человека» (12+)	30
«Затишье» (12+).....	31
«Фауст» (12+)	32
23. Фет Афанасий Афанасьевич	32
«Старый сад» (12+).....	33
24. Чехов Антон Павлович	33
«Дом с мезонином» (12+).....	33
«Чайка» (12+).....	34
«Чёрный монах» (12+).....	34
25. Чулков Георгий Иванович	35
«Серёжа Нестроев» (12+)	35
26. Шмелёв Иван Сергеевич.....	35
«Неупиваемая чаша» (12+)	36
«Пугливая тишина» (12+)	36
Усадьбы.....	38
27. Аксаков Сергей Тимофеевич.....	38
«Детские годы Багрова-внука» (6+)	39
28. Бальмонт Константин Дмитриевич.....	39

«Памяти Тургенева» (12+).....	39
29. Андрей Белый.....	40
«Усадьба» (12+).....	40
30. Брюсов Валерий Яковлевич.....	40
«В полях забытые усадьбы...» (12+).....	41
31. Булгаков Михаил Афанасьевич.....	41
«Белая гвардия» (16+).....	41
32. Бунин Иван Алексеевич.....	42
«Грамматика любви» (16+).....	43
«Деревня» (16+).....	43
«Жизнь Арсеньева» (16+).....	44
«Митина любовь» (12+).....	45
«На даче» (16+).....	45
«Суходол» (12+).....	46
33. Гоголь Николай Васильевич.....	47
«Мёртвые души» (12+).....	47
34. Гончаров Иван Александрович.....	50
«Обрыв» (12+).....	50
35. Гумилев Николай Степанович.....	51
«Старина» (12+).....	52
36. Достоевский Фёдор Михайлович.....	52
«Дядюшкин сон» (16+).....	53
37. Зайцев Борис Константинович.....	53
«Голубая звезда» (12+).....	53
38. Копыткин Сергей Александрович.....	53
«Очерк Растрелли» (12+).....	54
39. Лесков Николай Семёнович.....	54
«На ножах» (16+).....	55
40. Лукашевич Клавдия Владимировна.....	56
«Моё милое детство» (12+).....	56
41. Набоков Владимир Владимирович.....	58
«Глаза прикрою...» (12+).....	59
42. Пастернак Борис Леонидович.....	59
«Доктор Живаго» (16+).....	59
43. Пушкин Александр Сергеевич.....	59
«Барышня-крестьянка» (12+).....	60
«Дубровский» (12+).....	60

«Евгений Онегин» (12+).....	61
«Евгений Онегин» (12+).....	61
44. Романов Пантелеймон Сергеевич.....	62
«Детство» (16+).....	62
«Русь» (16+).....	64
45. Садовской Борис Александрович.....	66
«Лебединые клики» (16+).....	66
46. Салтыков-Щедрин Михаил Евграфович.....	67
«Господа Головлёвы» (12+).....	68
«Пошехонская старина» (12+).....	69
47. Сологуб Фёдор Кузьмич.....	70
«Творимая легенда» (16+).....	70
48. Толстой Лев Николаевич.....	70
«Анна Каренина» (16+).....	71
«Война и мир» (16+).....	71
«Детство» (12+).....	73
«Утро помещика» (16+).....	73
49. Тургенев Иван Сергеевич.....	73
«Бригадир» (12+).....	74
«Дворянское гнездо» (12+).....	74
«Затишье» (12+).....	75
«Отцы и дети» (12+).....	76
«Фауст» (12+).....	79
50. Чехов Антон Павлович.....	79
«Дом с мезонином» (12+).....	80
«Дядя Ваня» (12+).....	80
«Крыжовник» (12+).....	80
«Новая дача» (12+).....	80
«Три сестры» (12+).....	81
«Чёрный монах» (12+).....	81
51. Чулков Георгий Иванович.....	81
«Серёжа Нестроев» (16+).....	81
52. Шмелёв Иван Сергеевич.....	81
«Неупиваемая чаша» (12+).....	82
Алфавитный указатель авторов.....	83
Алфавитный указатель заглавий.....	84

Сады и парки

Сады и парки

**«Дворянских гнёзд заветные аллеи,
Забывтый сад, полузаросший пруд.
Как хорошо, как всё знакомо тут!
Сирень, и резеда, и ипомеи,
И георгины гордые цветут.
Затмилась ночь. Чуть слышен листьев ропот.
За рощей чуть горит луны эмаль,
И в сердце молодом встаёт печаль,
И слышен чей-то странный, грустный шёпот.
Кому-то в этот час чего-то жаль».**
К. Д. Бальмонт

Сад возле усадебного дома был с большим количеством цветов, кустарников, плодовых деревьев. Непременные атрибуты усадебного ландшафта – тенистые липовые аллеи, большие и малые пруды, посыпанные песком дорожки, садовые скамейки, порой отдельное, столь важное для хозяев дерево (и часто – дуб). И дальше – рощи, поля с овсом и гречихой, леса. Всё это есть у русских писателей, всё это важно и для них, и для их героев.

1. Аксаков Сергей Тимофеевич

Язык произведений С. Т. Аксакова неповторим и многогранен. «Что за прелесть эти книги, сколько в них свежести, грации, наблюдательности, понимания и любви природы» – так говорил Н. Г. Чернышевский о произведениях писателя.

Аксаков, С. Т. Детские годы Багрова-внука : повесть / С. Т. Аксаков. – Москва : Детская литература, 2001. – 349 с. – (Школьная библиотека). – Текст : непосредственный.

«Сад, впрочем, был хотя довольно велик, но некрасив: кое-где ягодные кусты смородины, крыжовника и барбариса, десятка два-три тощих яблонь, круглые цветники с ноготками, шафранами и астрами, и ни одного большого дерева, никакой тени; но и этот сад доставлял нам удовольствие, особенно моей сестрице, которая не знала ни гор, ни полей, ни лесов; я же извездил, как говорили, более пятисот вёрст: несмотря на моё болезненное состояние, величие красот Божьего мира незаметно ложилось на детскую душу и жило без моего ведома в моём воображении; я не мог удовольствоваться нашим бедным городским садом и беспрестанно рассказывал моей сестре, как

человек бывалый, о разных чудесах, мною виденных; она слушала с любопытством, устремив на меня, полные напряжённого внимания, свои прекрасные глазки, в которых в то же время ясно выражалось: «Братец, я ничего не понимаю». (С. 26)

«Детские годы Багров-внука» (6+)

«Это был скорее огород, состоявший из одних ягодных кустов, особенно из кустов белой, красной и чёрной смородины, усыпанной ягодами, и из яблонь, большею частью помёрзших прошлого года, которые были спилены и вновь привиты черенками; всё это заключалось в огороде и было окружено высокими навозными грядками арбузов, дынь и тыкв, бесчисленным множеством грядок с огурцами и всякими огородными овощами, разными горохами, бобами, редькою, морковью и проч. Вдобавок ко всему везде, где только было местечко, росли подсолнечники и укроп, который там называли «копром», наконец, на лощине, заливаемой весенней водой, зеленело страшное количество капусты». (С. 69)

«Детские годы Багров-внука» (6+)

2. Анненский Иннокентий Фёдорович

В поэзии И. Ф. Анненского залитый луной сад порождает двойную ассоциацию: сад и небо «странно слиты»; ночной пейзаж и зрелище смерти во всём подобны друг другу. Суровое безмолвие сада-неба влечёт за собой сумрачный образ ночи-смерти.

Анненский, И. Ф. Nox vitae / И. Ф. Анненский. – Москва : Правда, 1987. – С. 85. – Текст : непосредственный.

«Но... в блёкло-призрачной луне
Воздушно-чёрный стан растений,
И вы, на мрачной белизне
Ветвей тоскующие тени!
Как странно слиты сад и твердь
Своим безмолвием суровым,
Как ночь напоминает смерть
Всем, даже выцветшим покровом». (С. 85)

"Nox vitae" (12+)

2. Булгаков Михаил Афанасьевич

Сады М. А. Булгакова безмолвные, спокойные, прекрасные...

Булгаков, М. А. Белая гвардия : роман / М. А. Булгаков. – Москва : Детская литература, 2004. – 349 с. – (Школьная библиотека). – Текст : непосредственный.

«Сады стояли безмолвные и спокойные, отягчённые белым, нетронутым снегом. И было садов в Городе так много, как ни в одном городе мира. Они раскинулись повсюду огромными пятнами и аллеями, каштанами, оврагами, клёнами и липами.

Сады красовались на прекрасных горах, нависших над Днепром, и, уступами поднимаясь, расширяясь, порою пестря миллионами солнечных пятен, порою в нежных сумерках царствовал вечный Царский сад. Старые, сгнившие чёрные балки парапета не преграждали пути прямо к обрывам на страшной высоте. Отвесные стены, заметённые вьюгою, падали на нижние далёкие террасы, а те расходились всё дальше и шире, переходили в береговые рощи над шоссе, вьющимся по берегу великой реки, и тёмная скованная лента уходила туда, в дымку, куда даже с городских высот не хватает человеческих глаз, где серые пороги, Запорожская Сечь, и Херсонес, и дальнее море». (С.73)
«Белая гвардия» (16+)

4. Бунин Иван Алексеевич

В прозе И. А. Бунина «сад» – ключевой образ. В доме с запущенным садом прошли его детство и юность, о нём художник мечтал в эмиграции, среди сосен, пальм и олив приморских Альп... Не случайно сад – постоянный фон, на котором происходит действие многих рассказов и повестей Бунина.

Бунин, И. А. Антоновские яблоки / И. А. Бунин. – Текст : непосредственный // Бунин, И. А. Антоновские яблоки : повести и рассказы / И. А. Бунин. – Москва : Детская литература, 1975. – С.21-35.

«На ранней заре, когда ещё кричат петухи и по-чёрному дымятся избы, запахнёшь, бывало, окно в прохладный сад, наполненный лиловатым туманом, сквозь который ярко блестит кое-где утреннее солнце, и не утерпишь – велишь поскорее заседлывать лошадь, а сам побежишь умываться на пруд. Мелкая листва почти вся облетела с прибрежных лозин, и сучья сквозят на бирюзовом небе. Вода под лозинами стала прозрачная, ледяная и как будто тяжёлая». (С. 24)

«Антоновские яблоки» (16+)

«Сад у тётки славился своею запущенностью, соловьями, горlinkками и яблоками, а дом – крышей». (С. 27)

«Антоновские яблоки» (16+)

Бунин, И. А. Жизнь Арсеньева / И. А. Бунин. – Текст : непосредственный // Бунин, И. А. Тёмные аллеи / И. А. Бунин. – Москва : Дрофа, 2003. – С. 5-270.

«Так навсегда и осталась в моём воображении картина, представившаяся мне тогда: большой старый сад, весь уже по-осеннему проредевший,

живописно обезображенный осенними дождями, бурями и первыми заморозками, засыпанный гниющей листвой, чернеющий стволами и сучьями и пестреющий остатками жёлтого и красного убора, свежее и яркое утро, ослепительный солнечный свет, блестящий на полянах и тёплыми, золотистыми столпами падающий среди стволов вдали в сырой холодок и тень низов, в тонкий, сияющий голубым эфиром дым ещё не совсем испарившегося утреннего тумана, перекрёсток двух аллей и на нём – великолепный столетний клён, который раскинулся и сквозит на ярком и влажном утреннем небе своей огромной раскрытой вершиной, чёрным узором сучьев с кое-где повисшими на них большими зубчатыми лимонными листьями и в могучий, закаменевший от времени ствол которого, с удовольствием акая, всё глубже врубаются блестящими топорами мужики в одних рубашках и в шапках на затылок, меж тем как приказчик, засунув руки в карманы, глядит вверх на вздрагивающую в небе макушку дерева. Может быть, он задумался о том, как ловко подсел он социалиста?

А дерево вдруг крякнуло, макушка внезапно двинулась вперёд – и с шумом, всё возрастая в быстроте, тяжести и ужасе, ринулась сквозь ветви соседних деревьев на него...» (С. 78-79)

«Жизнь Арсеньева» (16+)

«А сад за домом был, конечно, наполовину вырублен, хотя всё ещё красовалось в нём много вековых лип, клёнов, серебристых итальянских тополей, берёз и дубов, одиноко и безмолвно доживавших в этом забытом саду свои долгие годы, свою вечно-юную старость, красота которой казалась ещё более дивной в этом одиночестве и безмолвии, в своей благословенной, божественной бесцельности. Небо и старые деревья, у каждого из которых всегда есть своё выражение, свои очертания, своя душа, своя дума, – можно ли наглядеться на это? Я подолгу бродил под ними, не сводя глаз с их бесконечно разнообразных вершин, ветвей, листьев, томясь желанием понять, разгадать и навсегда запечатлеть в себе их образы, сидел, думал о них на просторном косогоре под садом, среди огромных дубовых пней, грубо черневших на нём в нежной высокой траве и цветах, над светлыми прудами, всё ещё полноводно лежавшими под косогором в лощине... Как отрешалась тогда душа от жизни, с какой грустной и благой мудростью, точно из какой-то неземной дали, глядела она на неё, созерцала "вещи и дела" человеческие! И каждый раз непременно вспоминался мне тут и этот несчастный человек, убитый старым клёном, погибший вместе с ним, и вся несчастная, бессознательно испорченная им, этим человеком, судьба брата, и тот далекий осенний день, когда привезли его два бородатых жандарма в город, в тот самый острог, где так поразил меня когда-то мрачный узник, глядевший из-за железной решётки на заходящее солнце...» (С. 79-80)

«Жизнь Арсеньева» (16+)

«Отцвёл и оделся сад, целый день пел соловей в саду, целый день были подняты нижние рамы окон в моей комнате, которая стала мне ещё милее

прежнего стариной этих окон, составленных из мелких квадратов, тёмным дубовым потолком, дубовыми креслами и такой же кроватью с гладкими и покатыми отвалами...» (С. 110)

«Жизнь Арсеньева» (16+)

«Потом я шёл вместе со своей тенью по росистой, радужной траве поляны, входил в пёстрый сумрак аллеи, ведущей к пруду, и луна покорно следовала за мной. Я шёл, оглядываясь, – она, зеркально сияя и дробясь, катилась сквозь чёрный и местами ярко блестящий узор ветвей и листьев. Я стоял на росистом скате к полноводному пруду, широко сиявшему своей золотой поверхностью возле плотины вправо. Я стоял, глядел – и луна стояла, глядела. Возле берега, подо мной, была зыбкая, тёмно-зеркальная бездна подводного неба, на которой висели, чутким сном спали, спрятав под крыло голову и глубоко отражаясь в ней, утки; за прудом влево темнела вдали усадьба Уварова, того помещика, чьим незаконным сыном был Глебочка; за прудом напротив лежали в упор освещённые луной глинистые косогоры, а дальше – по-ночному светлый деревенский выгон и ряд чернеющих за ним изб... Какое молчание – так может молчать только что-нибудь живое! Дико-тревожный крик внезапно проснувшихся и закачавших под собой своё зыбкое зеркальное небо уток громом звучал по окрестным садам... Когда же я медленно шёл дальше, вдоль пруда направо, луна опять тихо катилась рядом со мной над тёмными вершинами застывших в своей ночной красоте деревьев...» (С. 112)

«Жизнь Арсеньева» (16+)

Бунин, И. А. Запустение / И. А. Бунин. – Текст : непосредственный // Бунин, И. А. Стихотворения / И. А. Бунин. – Москва : Детская литература, 1989. – С.48-49.

«Томит меня немая тишина
Томит гнезда родного запусенья.
Я вырос здесь. Но смотрит из окна
Заглохший сад. Над домом реет тленье». (С. 49)

«Запустение» (16+)

Бунин, И. А. Суходол / И. А. Бунин. – Текст : непосредственный // Бунин, И. А. Антоновские яблоки : повести и рассказы / И. А. Бунин. – Москва : Детская литература, 1975. – С.157-210.

«Ветер, пробегая по саду, доносил до нас шелковистый шелест берёз с атласно-белыми, испещрёнными чернью стволами и широко раскинутыми зелёными ветвями, ветер, шумя и шелестя, бежал с полей – и зелёно-золотая иволга вскрикивала резко и радостно, колом проносясь над белыми цветами за болтливыми галками, обитавшими с многочисленным родством в развалившихся трубах и в тёмных чердаках, где пахнет старыми кирпичами и

через слуховые окна полосами падает на бугры серо-фиолетовой золы золотой свет; ветер замирал, сонно ползали пчёлы по цветам у балкона, совершая свою неспешную работу, – и в тишине слышался только ровный, струящийся, как непрерывный мелкий дождик, лепет серебристой листвы тополей... Мы бродили по саду, забирались в глушь окраин». (С. 165)

«Суходол» (12+)

«Только сад был, конечно, чудесный: широкая аллея в семьдесят раскидистых берёз, вишенники, тонувшие в крапиве, дремучие заросли малины, акации, сирени и чуть не целая роща серебристых тополей на окраинах, сливавшихся с хлебами». (С. 170)

«Суходол» (12+)

«А рано утром, когда в комнатах, её не убранных и пахнувших табаком, стояла та особенная тишина, что бывает только после праздника, осторожно, на босу ногу вышел он в гостиную, заботливо поднял несколько мелков, валявшихся у раскрытых зелёных столов, и слабо ахнул от восторга, взглянув на сад за стеклянными дверями: на яркий блеск холодной лазури, на серебро утренника, покрывшего и балкон и перила, на коричневую листву в голых зарослях под балконом. Он отворил дверь и потянул носом: ещё горько и спиртуозно пахло из кустов осенним тлением, но этот запах терялся в зимней свежести. И всё было неподвижно, успокоенно, почти торжественно. Чуть показавшееся сзади, за деревней, солнце озаряло вершины картинной аллеи, полуголых, осыпанных редким и мелким золотом, белоствольных берёз, и прелестный, радостный, неуловимо-лиловатый тон был в этих белых с золотом вершинах, сквозивших на лазури». (С. 187)

«Суходол» (12+)

5. Гоголь Николай Васильевич

Сад – один из излюбленных образов художественной литературы. Садовый пейзаж характерен для русской традиции. Гоголь, создавая пейзаж сада Плюшкина, входил в эту традицию.

Сад – это метафора души Плюшкина. У сада Плюшкина нет ограждений, он выходит за село и пропадает в поле. За ним нет догляда, он предоставлен самому себе. Он как будто безграничен. Как душа.

Гоголь, Н. В. Мёртвые души : поэма / Н. В. Гоголь. – Москва : Детская литература, 2001. – 351 с. – (Школьная библиотека). – Текст : непосредственный.

«Он взглянул и в городской сад, который состоял из тоненьких дерев, дурно принявшихся, с подпорками внизу, виде треугольников, очень красиво выкрашенных зелёною масляною краскою. Впрочем, хотя эти деревца были не выше тростника, о них было сказано в газетах при описании иллюминации,

что «город наш украсился, благодаря попечению гражданского правителя, садом, состоящим из тенистых, широковетвистых деревьев, дающих прохладу в знойный день», и что при этом «Было очень умирительно глядеть, как сердца граждан трепетали в избытке благодарности и струили потоки слёз в знак признательности к господину градоначальнику». (С. 14-15)

«Мёртвые души» (12+)

«Старый, обширный, тянувшийся позади дома сад, выходявший за село и потом пропадавший в поле, заросший и заглохлый, казалось, один освежал эту обширную деревню и один был вполне живописен в своём картинном опустении. Зелёными облаками и неправильными трепетolistными куполами лежали на небесном горизонте соединённые вершины разросшихся на свободе дерев. Белый колоссальный ствол берёзы, лишённый верхушки, отломленной бурей или грозой, подымался из этой зелёной гущи и круглился на воздухе, как правильная мраморная сверкающая колонна; косою остроконечный излом его, которым он оканчивался кверху вместо капители, темнел на снежной белизне его, как шапка или чёрная птица. Хмель, глушивший внизу кусты бузины, рябины и лесного орешника и пробежавший потом по верхушке всего частокола, взбегал наконец вверх и обвивал до половины сломленную берёзу. Достигнув середины её, он оттуда свешивался вниз и начинал уже цеплять вершины других дерев или же висел на воздухе, завязавши кольцами свои тонкие цепкие крючья, легко колеблемые воздухом. Местами расходились зелёные чащи, озарённые солнцем, и показывали неосвещённое между них углубление, зиявшее, как тёмная пасть; оно было всё окинуто тенью, и чуть-чуть мелькали в чёрной глубине его: бежавшая узкая дорожка, обрушенные перилы, пошатнувшаяся беседка, дуплистый дряхлый ствол ивы, седой чапыжник, густой щетиною вытыкавший из-за ивы иссохшие от страшной глушины, перепутавшиеся и скрестившиеся листья и сучья, и, наконец, молодая ветвь клёна, протянувшая сбоку свои зелёные лапы-листья, под один из которых забравшись Бог весть каким образом, солнце превращало его вдруг в прозрачный и огненный, чудно сиявший в этой густой темноте. В стороне, у самого края сада, несколько высокорослых, не вровень другим, осин подымали огромные вороньи гнёзда на трепетные свои вершины. У иных из них отдёрунутые и не вполне отделённые ветви висели вниз вместе с иссохшими листьями.» (С. 136-137)

«Мёртвые души» (12+)

6. Гончаров Иван Александрович

Сад в произведениях И. А. Гончарова обширный, густо заросший деревьями и кустарниками, запущенный, с тёмными аллеями Деревья развесистые и огромные по размеру.

Гончаров, И. А. Обрыв : роман / И. А. Гончаров. – Москва : Художественная литература, 1980. – 717 с. – (Библиотека классики. Русская литература). – Текст : непосредственный.

«Дом весь был окружён этими видами, этим воздухом, да полями, да садом. Сад обширный около обоих домов, содержавшийся в порядке, с тёмными аллеями, беседкой и скамьями. Чем далее от домов, тем сад был запущеннее.

Подле огромного развесистого вяза, с сгнившей скамьёй, толпились вишни и яблони; там рябина; там шла кучка лип, хотела было образовать аллею, да вдруг ушла в лес и братски перепуталась с ельником, березняком. И вдруг всё кончалось обрывом, поросшим кустами, идущими почти на полверсты берегом до Волги». (С. 78)

«Обрыв» (12+)

«Подле сада, ближе к дому, лежали огороды. Там капуста, репа, морковь, петрушка, огурцы, потом громадные тыквы, а в парнике арбузы и дыни. Подсолнечники и мак, в этой массе зелени, делали яркие, бросающиеся в глаза, пятна; около тычинок вились турецкие бобы». (С. 78)

«Обрыв» (12+)

Гончаров, И. А. Обыкновенная история : роман в двух частях / И. А. Гончаров. – Москва : Детская литература, 2004. – 411 с. – (Школьная библиотека). – Текст : непосредственный.

«С балкона в комнату пахло свежестью. От дома на далёкое пространство раскидывался сад из старых лип, густого шиповника, черёмухи и кустов сирени. Между деревьями пестрели цветы, бежали в разные стороны дорожки, далее тихо плескалось в берега озеро, облитое к одной стороне золотыми лучами утреннего солнца и гладкое, как зеркало; с другой – тёмно-синее, как небо, которое отражалось в нём, и едва подёрнутое зыбью. А там нивы с волнующимися, разноцветными хлебами шли амфитеатром и примыкали к тёмному лесу». (С. 24)

«Обыкновенная история» (12+)

7. Зайцев Борис Константинович

Сад с очаровательным нежным запахом... Сад – это иной мир... Всё это мы встречаем в произведениях Б. К. Зайцева.

Зайцев, Б. К. Анна / Б. К. Зайцев. – Текст : электронный // Lib.ru. – URL : http://az.lib.ru/z/zajcew_b_k/text_1929_anna.shtml (дата обращения: 17.09.2020).

«Сад в Мартыновке находился по другую сторону дома, и это был иной мир.

Хоть и сюда доносилось хрюканье свиней, всё же старый яблоневый сад, времён далеко до-мартыновских, носил облик милых русских садов – некоего скромного рая. Сейчас яблони стояли уже совсем голые. У подножия стволов чернели круги свежевскопанной земли, от них пахло терпко и прелестно. На одном аркаде сохранилось несколько бледных листиков, и на верхушке одинокое, золотистое яблочко. Изумрудно-стеклянен был вечер. Нежен, узко-серебрист месяц сквозь ветви, горек воздух. Анна шла, попирая погибшие травы».

«Анна» (12+)

«Ветер и холода первых дней обдули цветущий сад. Белые лепестки плавали в лужицах, земля влажна, дымится под солнцем. Травка совсем хорошо зазеленела, удивительно сочны золотые одуванчики с молочным соком в стеблях. Дрозды скачут в саду Матвея Мартыныча». **«Анна» (12+)**

Зайцев, Б. К. Голубая звезда / Б. К. Зайцев. – Текст : непосредственный // Зайцев, Б. К. Голубая звезда : рассказы, роман, повесть, главы из книги «Москва» / Б. К. Зайцев. – Тула : Приокское книжное издательство, 1989. – С.129-234.

«Всё же, поужинав, она спустилась в сад. Росла тут трава, кое-где цветы, какие кому вздумается. Такие же и дорожки: будто их никто и не делал, пролегли они, как Бог на душу положит. За садом канава в берёзах, а там луга. Машура вышла в них. Было росисто. Над Москвой-рекой стоял туман, деревня смутно темнела. Там наигрывали на гармонике. Машура не знала, хорошо ей сейчас или плохо. Новое место, новые луга, усадьба, неизвестные ели высятся там, правее. Завтра взойдёт солнце, и новые места откроют новую свою, дневную душу». **(С. 136-137)**

«Голубая звезда» (12+)

«Антон вдруг улыбнулся, сам не зная чему. Захотелось видеть Машуру; он не знал, где она; просто вышел в сад, взял направо, прыгнул через канаву и направился к недалекому лесу. Пахло лугами; откуда-то доносились голоса; будто телега поскрипывала. У опушки леса виднелось белое платье.

Лес был – ельник; тропинка выводила к обрыву над речкой, притоком Москвы-реки. Песчаный скат шёл к воде, в нём стрижи устраивали ямки, и торчали корни сосны». **(С. 139)**

«Голубая звезда» (12+)

8. Иванов Вячеслав Иванович

В поэзии В. И. Иванова понятие «сад» также являлся одним из знаковых образов.

Иванов, В. И. В лепоту облечеса / В. И. Иванов. – Текст : электронный // РуСтих. – URL : <https://rustih.ru/vyacheslav-ivanov-v-lepotu-oblechesya/> (дата обращения: 17.08.2020).

«Как изваянная, висит во сне
С плодами ветвь в саду моём – так низко...
Деревья спят – и грезятся – при луне,
И таинство их жизни – близко, близко...»

«В лепоту облечеса» (16+)

9. Короленко Владимир Галактионович

Природа, пейзажные описания занимают достойное место в творчестве В. Г. Короленко.

Короленко, В. Г. Слепой музыкант / В. Г. Короленко. – Текст : непосредственный // Короленко, В. Г. Рассказы и повести / В. Г. Короленко. – Москва : Олимп, Астрель, АСТ, 2000. – С. 80-207. – (Школьная библиотека).

«Ничто не изменилось в тихой усадьбе. По-прежнему шумели буки в саду, только их листва будто потемнела, сделалась ещё гуще; по-прежнему белели приветливые стены, только они чуть-чуть покривились и осели; по-прежнему хмурились соломенные стрехи, и даже свирель Иохима слышалась в те же часы из конюшни; только теперь уже и сам Иохим, остававшийся холостым конюхом в усадьбе, предпочитал слушать игру слепого панича на дудке или на фортепиано – безразлично». (С. 138)

«Слепой музыкант» (12+)

«Но знакомая добрая и скучная тьма усадьбы шумела только ласковым шёпотом старого сада, навевая смутную, баюкающую, успокоительную думу. О далёком мире слепой знал только из песен, из истории, из книг. Под задумчивый шёпот сада, среди тихих будней усадьбы, он узнавал лишь по рассказам о бурях и волнениях далёкой жизни. И всё это рисовалось ему сквозь какую-то волшебную дымку, как песня, как былина, как сказка». (С. 139)

«Слепой музыкант» (12+)

10. Куприн Александр Иванович

В интервью и письмах Куприн всегда характеризовал себя увлечённым садоводом, огородником. В своих произведениях он рассказывает о роскошных и благоухающих садах.

Куприн, А. И. Гранатовый браслет / А. И. Куприн. – Текст : непосредственный // Куприн, А. И. Гранатовый браслет : повести и рассказы / А. И. Куприн. – Москва : Детская литература, 1997. – С.203-251. – (Школьная библиотека).

«Теперь она ходила по саду и осторожно срезала ножницами цветы к обеденному столу. Клумбы опустели и имели беспорядочный вид. Доцветали разноцветные махровые гвоздики, а также левкой – наполовину в цветах, а наполовину в тонких зелёных стручках, пахнувших капустой, розовые кусты ещё давали – в третий раз за это лето – бутоны и розы, но уже измельчавшие, редкие, точно выродившиеся. Зато пышно цвели своей холодной, высокомерной красотой георгины, пионы и астры, распространяя в чутком воздухе осенний, травянистый, грустный запах. Остальные цветы после своей роскошной любви и чрезмерного обильного летнего материнства тихо осыпали на землю бесчисленные семена будущей жизни». (С. 205-206)

«Гранатовый браслет» (16+)

11. Лесков Николай Семёнович

Описание природы играет значительную идейную роль в книге. Описания сада в произведениях Н. С. Лескова помогают раскрыть всю глубину авторского замысла

Лесков, Н. С. На ножах / Н. С. Лесков. – Текст : непосредственный // Лесков, Н. С. Собр. соч. : в 12 т. Т.8 / Н. С. Лесков. – Москва : Правда, 1989. – С. 99-450. – (Библиотека «Огонёк»).

«Небольшой плодовый садик полон густого вишняка и малины; за этим садиком есть небольшой, очень стройный молодой осинник, в котором бьёт студёный родник прекрасной воды и пред ним устроены небольшая деревянная беседочка и качели. Растительность на хуторе вообще довольно сильная: всё свежо, сильно, бодро, зелено, но не высоко: прибрежные лозы пруда, ракиты, окружающие все пристройки, и владимирские вишни, и сливы, и груши, и всё это как будто решилось скрываться и не тянулось вверх. Только одни осинки выбежали немножко повыше и постоянно шепчут своими трепещущими листками о том, что видят за каймой этой маленькой усадьбы». (С. 318)

«На ножах» (16+)

12. Мережковский Дмитрий Сергеевич

В поэзии Д. С. Мережковского пейзаж играет важнейшую роль в раскрытии характера главного героя.

Мережковский, Д. С. Старинные октавы / Д. С. Мережковский. – Текст : электронный // Мережковский, Д. С. Поэзия: стихотворения и поэмы / Д. С. Мережковский. – URL : <https://merezhkovsky.ru/lib/poetry/starinnye-oktavy.html> (дата обращения: 15.06.2020).

«На Островах мы лето проводили:
Вокруг дворца я помню древний сад,
Куда гулять мы с нянею ходили, –
Оранжереи, клумбы и фасад
Дух флигелей в казённом важном стиле,
Дорических колонн высокий ряд,
Террасу, двор и палисадник тощий,
И жидкие Елагинские рощи».

«Старинные октавы» (16+)

13. Пастернак Борис Леонидович

Сад – один из наиболее употребительных образов в лирике Б. Л. Пастернака, несущий на себе большую смысловую нагрузку.

Пастернак, Б. Доктор Живаго / Б. Пастернак. – Санкт-Петербург : Кристалл, 2001. – 543 с. – Текст : непосредственный

«Ото всего парка с его прудами, лужайками и барским домом садик управляющего был отгорожен густой живой изгородью из чёрной калины. Иван Иванович и Николай Николаевич обходили эту заросль снаружи, и по мере того как они шли, перед ними равными стайками на равных промежутках вылетали воробьи, которыми кишела калина. Это наполняло её ровным шумом, точно перед Иваном Ивановичем и Николаем Николаевичем вдоль изгороди текла вода по трубе.

Они прошли мимо оранжереи, квартиры садовника и каменных развалин неизвестного назначения». (С. 11)

«Доктор Живаго» (16+)

«Он был сегодня сам не свой и предшествующую ночь не спал. Ему шёл четырнадцатый год. Ему надоело быть маленьким. Всю ночь он не спал и на рассвете вышел из флигеля. Выходило солнце, и землю в парке покрывала длинная, мокрая от росы, петлистая тень деревьев. Тень была не чёрного, а тёмно-серого цвета, как промокший войлок. Одурающее благоухание утра,

казалось, исходило именно от этой отсыревшей тени на земле с продолговатыми просветами, похожими на пальцы девочки.

Вдруг серебристая струйка ртути, такая же, как капли росы в траве, потекла в нескольких шагах от него. Струйка текла, текла, а земля её не впитывала. Неожиданно резким движением струйка метнулась в сторону и скрылась. Это была змея-медянка. Ника вздрогнул.

Он был странный мальчик. В состоянии возбуждения он громко разговаривал с собой. Он подражал матери в склонности к высоким материям и парадоксам.

«Как хорошо на свете! – подумал он. – Но почему от этого всегда так больно? Бог, конечно, есть. Но если он есть, то он – это я. Вот я велю ей, – подумал он, взглянув на осину, всю снизу доверху охваченную трепетом (её мокрые переливчатые листья казались нарезанными из жести), – вот я прикажу ей...» – И в безумном превышении своих сил он не шепнул, но всем существом своим, всей своей плотью и кровью пожелал и задумал: «Замри!» – и дерево тотчас же послушно застыло в неподвижности. Ника засмеялся от радости и со всех ног бросился купаться на реку». (С. 19)

«Доктор Живаго» (16+)

14. Помяловский Николай Герасимович

У Н. Г. Помяловского усадебный дом идеализируется: большая семья, друзья, домашние игры и рядом большой и красивый сад.

Помяловский, Н. Г. Мещанское счастье / Н. Г. Помяловский. – Текст : непосредственный // Помяловский, Н. Г. Сочинения / Н. Г. Помяловский. – Ленинград : Художественная литературы, 1980. – С. 89-177.

«С балкона барского дома открывается во все стороны прекрасный вид: деревня в яблонных и липовых садах; направо, налево виднеются ещё деревушки; на горе церковь, отовсюду леса, пашни и луга; к западу бежит речка – небольшой приток Волги. Тишина стоит в воздухе; природа облита заревом вечернего солнца. На балконе Егор Иваныч Молотов и Елена Ильинишна Илличова – молодой человек и молоденькая, хорошенькая девушка; значит, повесть начинается. Они смотрят на дорогу, на дороге поднялась пыль, слышны голоса животных, идёт стадо с поля; с другой стороны шлёпает огромное стадо гусей и уток – всё это повалило мимо барского дома. Леночка имела полное право сказать:

– Какая поэзия!.. прелесть!..» (С. 100)

«Мещанское счастье» (12+)

15. Пушкин Александр Сергеевич

Удивительную красоту родных пейзажей отразил в своих произведениях А. С. Пушкин.

Пушкин, А. С. Дубровский / А. С. Пушкин. – Текст : непосредственный // Пушкин, А. С. Дубровский. Капитанская дочка : романы / А. С. Пушкин. – Москва : Детская литература, 2002. – С.25-112. – (Школьная библиотека).

«Старинный сад с его стриженными липами, четверугольным прудом и правильными аллеями ему не понравился; он любил английские сады и так называемую природу, но хвалил и восхищался; слуга пришёл доложить, что кушание поставлено. Они пошли обедать. Князь прихрамывал, устав от своей прогулки и уже раскаиваясь в своём посещении». (С. 90)

«Дубровский» (12+)

«После обеда хозяин предложил гостям пойти в сад. Они пили кофей в беседке на берегу широкого озера, усеянного островами. Вдруг раздалась духовая музыка, и шестивесельная лодка причалила к самой беседке. Они поехали по озеру, около островов, посещали некоторые из них, на одном находили мраморную статую, на другом уединённую пещеру, на третьем памятник с таинственной надписью, возбуждавшей в Марье Кириловне девическое любопытство, не вполне удовлетворённое учтивыми недомолвками князя; время прошло незаметно, начало смеркаться». (С. 92)

«Дубровский» (12+)

Пушкин, А. С. Капитанская дочка / А. С. Пушкин. – Текст : непосредственный // Пушкин, А. С. Дубровский. Капитанская дочка : романы / А. С. Пушкин. – Москва : Детская литература, 2002. – С.113-234. – (Школьная библиотека).

«На другой день рано утром Марья Ивановна проснулась, оделась и тихонько пошла в сад. Утро было прекрасное, солнце освещало вершины лип, пожелтевших уже под свежим дыханием осени. Широкое озеро сияло неподвижно. Проснувшиеся лебеди важно выплывали из-под кустов, осеняющих берег. Марья Ивановна пошла около прекрасного луга, где только что поставлен был памятник в честь недавних побед графа Петра Александровича Румянцева». (С. 229)

«Капитанская дочь» (12+)

16. Романов Пантелеймон Сергеевич

В произведениях П. С. Романова пространство дома дополняется пространством сада.

Романов, П. С. Детство / П. С. Романов. – Текст : электронный // Lib.ru. – URL : http://az.lib.ru/r/romanow_p_s/text_0680.shtml (дата обращения: 10.06.2020).

«На земле ещё лежит сплошной снежный покров, деревья мертвы и голы, но небеса уже не те: вечерние зори долго не гаснут и их красноватые отблески медленно замирают на стволах берёз, на окнах дома сквозь узор переплетённых голых ветвей сада.

Небо как-то обновленно и особенно по-весеннему прозрачно и глубоко. На нём с особенной чёткостью вырисовываются по вечерам неподвижные вершины тополей.

Снег около корней деревьев уже обтаял и осел кружочками, и нога в нём не отпечатывается мягко, отчётливо, как зимой, а он рыхло осыпается вокруг неё – крупный и зернистый».

«Детство» (16+)

«В саду медленно опадают листья и сметаются во все канавки и впадины дорожек. А скоро земля застынет, и в морозном воздухе запорхают первые снежинки».

«Детство» (16+)

«В саду так хорошо, стоит аромат яблоневого цвета, сырой земли, так напоено всё весенней свежестью и радостью, что, если бы я не очистился от грехов, мне не было бы здесь места.

Ракиты уже распустились, показались их обсыпанные жёлтой медовой пылью серёжки, с которых, гудя и кружась над ними, берут пчёлы. И в тёплом апрельском воздухе пахнет отошедшей и оживающей землёй, мёдом ракиты и цветами цикория, запестревшего по буграм. Полетели майские жуки. У нас уже давно заготовлены на них сачки на обручиках и окрашенных палочках. И мы, едва только солнце опустится за садом и сильнее запахнет цветом яблонь в вечернем воздухе, летаем, как угорелые, с этими сачками по зелёному двору, пока не споткнёшься на кочку и не растянешься, так что шляпа летит в одну сторону, сачок – в другую, а сам – в третью».

«Детство» (16+)

«Как только в саду открылись дорожки и можно было пройти не увязнув, крестная обошла весь сад, осмотрела обмотанные соломой на зиму прививки, не подъели ли их зайцы, дошла до сухой канавы, отделяющей сад от поля, и из-под руки долго смотрела на далёкий простор весенних полей. Прозрачные ещё рощи белели в оврагах нестаявшим снегом, и свесившиеся низко над

канавой надувшиеся тройчатые сочные почки берёз отдувались в одну сторону тёплым весенним ветром.

Налюбовавшись весенним видом сада, полей и блещущего неба, она пришла домой, выбрала из камина все накопившиеся там за зиму верёвочки и мочалки, велела Тане всё смотать и разыскать её корзиночку.

А когда совсем подсохло, она с вечера уложила в корзиночку мочалки, садовый нож и поставила в столовой на шкафчик, чтобы утром не искать.

Для нас – самое приятное – эти сборы и прогулки с нею. Мы тоже будем участвовать в садовых работах и помогать ей: обрезать по её указанию веточки, молодые, сочные, стрелками идущие вверх побеги и замазывать срезанные места мокрой землей, чтобы не вытекал сок».

«Детство» (16+)

«В саду тишина и зной. Кажется, что жара идёт не только сверху от солнца, но и снизу, от травы, в которую бьют почти отвесные лучи солнца.

Не умолкают и бодрствуют только одни кузнечики да мы. От кузнечиков стоит такая трескотня, что порой кажется, будто это не в траве, а у самого в ушах звенит и стрекочет.

Забьёшься в высокую траву, сядешь там – и наслаждаешься сознанием, что нас ни одна живая душа не видит. И говорим нарочно тихими голосами.

Жара всех сморила и повалила, только не нас.

Мы с открытыми головами сидим на самом припёке и рассматриваем пойманного большого зелёного кузнеца.

– Бока-то у него какие твёрдые, как сделанные, – говорит Катя, – ты попробуй. Дай я поглажу его по спине. Ему приятно это, как ты думаешь?

– Конечно, приятно, – говорю я.

И мы оба держим его за ноги и гладим».

«Детство» (16+)

«Как хорошо бродить в серое погожее летнее утро по саду в густой сыроватой траве и собирать цветы в церковь, в то время как со стороны села доносится праздничный звон колокола. И как хорош сам троицын день: около дома наставят берёзок, в комнаты принесут накошенной в саду травы и разбросают по всему полу. Ходишь по комнатам и принохиваешься к её свежему запаху».

«Детство» (16+)

«У шалаша, посредине сада, на разостланной, только что обмолоченной, новой соломе, в отдельных кучках лежат первые опавшие и подобранные стариком Никифором яблоки. Сам он в длинной белой рубахе, подпоясанной лычком, сидит у шалаша на самодельной скамеечке и, постукивая свайкой, чинит лапоть.

Сядешь на корточки около вороха, принохиваешься к новому, свежему запаху первых яблок и выбираешь, какие получше, потом зажмёшь пальцем червоточинку и ешь.

В жарком, неподвижном воздухе, пронизывая его, как стрелами, во всех направлениях мелькают пчёлы, осы или висят неподвижно и гудят в тени клёнов большие зелёные мухи.

И надо всем этим – бездонным голубым куполом синеют небеса. Иногда ляжешь где-нибудь в траву, в тени под берёзами и, сделав кулак трубочкой, долго смотришь прищурив глаз, в бесконечную синеву».

«Детство» (16+)

17. Садовской Борис Александрович

Сад Б. А. Садовского обустроен руками искусного садовника: ровные дорожки, оранжереи, тропические и редкие цветы...

Садовской, Б. А. Лебединые клики / Б. А. Садовской. – Текст : электронный // Садовской, Б. А. Поэт, писатель и литературовед Серебряного века. Поэзия и проза – критик Символистов / Б. А. Садовской. – URL : <http://www.sadovskoi.ru/prose/lebedinye-kliki.html> (дата обращения: 17.09.2020).

«Утро проводила она в саду, прогуливаясь в тиши столетних дубов и лип, по убитым, как ровный паркет, дорожкам, внимая пению птиц; в полдень величавый Скворцалупов подносил ей пышный букет оранжерейных цветов, приготовленный руками искусного садовника-голландца. Прогуливаясь каждый день, замечала прекрасная Зенеида, как постепенно опадает весенний цвет, как плоды завязываются и созревают, как трава становится всё выше, душистее и гуще. В ненастную погоду княгиня слушала музыку или смеялась проказам Сычика, а зимой развлекалась в зимнем саду, где, кроме всяческих диковинных растений, благоухал целый лес померанцевых деревьев и дышала исполинская магнолия – "магнолия грандифлора". Чудное дерево давно доросло до потолка; пришлось потолок в оранжерее сломать; тогда воздвигнута была над ним стеклянная башня, в неё упёрлась стройная вершина. Цветок магнолии, белый огромный колокол, заглушал могучим благовонием дыханье померанцев. У непривычного здесь кругом ходила голова, но подолгу под магнолией сиживала княгиня; здесь же после обеда принимала она от дворецкого доклады».

«Лебединые клики» (16+)

«Там, где необозримый парк, заворачивая двухсотлетнюю свою громаду, подобно некоему зелёному дракону, давал уклон к озёрам, на холмистом возвышении, где клён, липа и дуб сплели крепко вековые свои вершины с вознёсшейся вверх, сиренью заросшей беседки-башни, можно было как на ладони видеть перед собой широкостеклянную, цвета бледно-белесой бирюзы, водяную равнину. То были огромные пруды, ископанные ещё при Елизавете. За сто лет успели они одичать, зазеленеть камышами, палошником, зацвести зыбкими кругами болотных лилий. Откуда-то выросли

лёгкие плавучие островки, высунулись мели, провалились внезапные омуты: видно, попали пруды на ключевую жилу и расплылись в широкие проточные озёра. Здесь стаями водились белые лебеди. Первые пять пар пущены были ещё покойным князем: плодились птицы во множестве, с каждым годом сообщая парку и озёрам необычайную умильную красоту. Ещё с беседки маячили зрителю взмахи снежных крыльев, слышались шумные переплески и меланхолические восклицания, схожие с отдалённой игрой на скрипках и виолах. Сергей не любил издали смотреть прекрасных птиц; он резво сбегал нагорной тропинкой вниз, минуя широкобедрый, виловатый дуб, посаженный, по преданию, Петром Великим, а с тропинки выходил прямо на песчаный берег. Отсюда любил он всматриваться, как трубношей, ослепительно-белый лебедь, зигзагом взад-вперёд проплыв по гладкой воде, приготовлялся к полёту: с шумом, вытягивая шею, распускал перья; долго, хлопая крыльями изо всей силы, оглушительно бежал по воде и разбрасывал миллионы брызг, потом вдруг плавно вздымался в воздух и медленно летел, всё учащая свистящие удары; делался меньше, меньше и обращался, наконец, в звездистую снежинку, таявшую медленно в голубоватом зное. Порой налетевшая стая опускалась сразу, и тогда взвихренная мощным падением вода пенилась и шипела. Печально-милые, нежные клики звучали то там, то тут, будто чистые серебряные колокола мешались вдали с многозвучным певучим хором».

«Лебединые клики» (16+)

18. Салтыков-Щедрин Михаил Евграфович

Около усадебного дома М. Е. Салтыкова-Щедрина в селе Спас-Угол Калязинского уезда Тверской губернии, были разбиты прелестный сад и небольшой парк. Образы родных сада и парка присутствует в произведениях писателя.

Салтыков-Щедрин, М. Е. Пошехонская старина / М. Е. Салтыков-Щедрин. – Москва : Правда, 1980. – 576 с.– Текст : непосредственный.

«Оранжереи довольно обширны. Два корпуса и в каждом несколько отделений, по сортам фруктов: персики, абрикосы, сливы, ренклоды (потомашнему «венгерки»). Теплица и грунтовые сараи стоят особняком. Сверх того, при оранжерее имеется обширно и плотно обгороженное подстриженными елями пространство, называемое «выставкой» и наполненное рядами горшков, тоже с фруктами всех сортов. Рамы в оранжереях сняты, и воздух пропитан тёплым, душистым паром созревающих плодов. От этого пара занимается дух. А солнце так и обливает сверху лучами, словно огнём. Сердце Анны Павловны играет: фруктов уродилось множество, и всё отличные. Садовник подает ей два горшка с паданцами, которые она пересчитывает и перекладывает в другие порожние горшки. Фруктам в Малиновце ведётся строгий счёт. Как только персики начнут выходить в

«косточку», так их тщательно пересчитывают, а затем уже всякий плод, хотя бы и не успевший дозреть, должен быть сохранён садовником и подан барыне для учёта. При этом, конечно, допускается и урон, но самый незначительный.

Отделив помятые паданцы, Анна Павловна даёт один персик Грише, который не ест его, а в один миг всасывает в себя и выплёвывает косточку».
(С. 71-72)

«Пошехонская старина» (12+)

«Об отрадных цветниках, оранжереях и прочей роскоши ходили между обитателями нашего захолустья почти фантастические рассказы. Были там пруды с каскадами, гротами и чугунными мостами, были беседки с гипсовыми статуями, был конский завод с манежем и обширным обгороженным кругом, на котором происходили скачки и бега, был свой театр, оркестр, певчие. И всем этим выродившийся аристократ пользовался сам-друг с второстепенной французской актрисой, Селиной Архиповной Бульмиш, которая особенных талантов по драматической части не предъявила, но зато безошибочно могла отличить *la grande cochoisserie* от *la petite cochoisserie*.»

(С. 28)

«Пошехонская старина» (12+)

«При доме был разбит большой сад, вдоль и поперёк разделённый дорожками на равные куртинки, в которых были насажены вишнёвые деревья. Дорожки были окаймлены кустами мелкой сирени и цветочными рабатками, наполненными большим количеством роз, из которых гнали воду и варили варенье. Так как в то время существовала мода подстригать деревья (мода эта проникла в Пошехонье... из Версаля!), то тени в саду почти не существовало, и весь он раскинулся на солнечном припеке, так что и гулять в нём охоты не было.

Ещё в большем размере были разведены огороды и фруктовый сад с оранжереями, теплицами и грунтовыми сараями. Обилие фруктов и в особенности ягод было такое, что с конца июня до половины августа господский дом положительно превращался в фабрику, в которой с утра до вечера производилась ягодная эксплуатация. Даже в парадных комнатах все столы были нагружены ворохами ягод, вокруг которых сидели группами сенные девушки, чистили, отбирали ягоду по сортам, и едва успевали справиться с одной грудой, как на смену ей появлялась другая. Нынче одна эта операция стоила бы больших денег. В это же время в тени громадной старой липы, под личным надзором матушки, на разложенных в виде четырёхугольников кирпичях, варилось варенье, для которого выбиралась самая лучшая ягода и самый крупный фрукт. Остальное утилизировалось для наливок, настоек, водиц и проч. Замечательно, что в свежем виде ягоды и фрукты даже господами употреблялись умеренно, как будто опасались, что вот-вот не достанет впрок. А «хамкам» и совсем ничего не давали (я помню, как матушка беспокоилась во время сбора ягод, что вот-вот подянки её объедят); разве уж когда, что называется, ягоде обору нет, но и тут непременно

дождутся, что она от долговременного стояния на погребке начнёт плесневеть. Эта масса лакомства привлекала в комнаты такие несметные полчища мух, что они положительно отравляли существование». (С. 30-31)

«Пошехонская старина» (12+)

19. Сологуб Фёдор Кузьмич

Замкнутые, странные, ароматные сады в произведениях Ф. К. Сологуба – образ колдовского «земного рая».

Сологуб, Ф. К. Творимая легенда / Ф. К. Сологуб. – Текст : электронный // ЛИТМИР. Электронная библиотека. – URL : <https://www.litmir.me/br/?b=156700&p=1> (дата обращения: 17.09.2020).

«Сёстры вошли в громадную оранжерею. Жили там странные, чудовищно-зелёные и могучие растения. Было очень влажно и душно. Стекланные стены в железном переплёте пропускали много света. Свет казался слишком ярким, беспощадно ярким – так всё металось в глаза!»

«Творимая легенда» (16+)

20. Толстой Алексей Николаевич

Старый сад с вековыми аллеями, множество цветов, куртины сирени – всё это мы встречаем в произведениях А. Н. Толстого.

Толстой, А. Н. Мечтатель (Аггей Коровин) / А. Н. Толстой. – Текст : непосредственный // Толстой, А. Н. Повести и рассказы / А. Н. Толстой. – Ленинград : Художественная литература, 1987. – С. 49-77.

«Весеннее солнце, обогнув положенный путь, садилось в голую степь за длинными холмами, золотя края неба, и пыль от стада, и большие окна коровинского дома, обращённые на закат. Сходясь под карнизом двумя пологими дугами, окна, вверху из цветного стекла, опускались почти до пола, так что Аггею Коровину, сидевшему в кресле, не нужно было приподниматься, чтобы видеть поляну сада, где широко разрослись одичавшие розы, и два полукруга аллей, и старые яблони, и куртины сирени, окаймлённые петуниями, ромашками, резедой». (С. 49)

«Мечтатель (Аггей Коровин)» (16+)

Толстой, А. Н. Мишука Налымов (Заволжье) / А. Н. Толстой. – Текст : непосредственный // Толстой, А. Н. Повести и рассказы / А. Н. Толстой. – Ленинград : Художественная литература, 1987. – С. 77-115.

«Сад опустел, только несколько девушек остались в липовой аллее: сели тесно друг к дружке на траву, шушукались, сдержанно посмеивались. Три

китайских фонарика горели ещё между ветвей. Один вспыхнул и упал, задевая за ветви. Луна стояла высоко». (С. 88)

«Машука Налымов» (16+)

21. Толстой Лев Николаевич

Сад в произведениях Л. Н. Толстого – это «сад-свидание», «сад-космос», «сад-откровение».

Толстой, Л. Н. Семейное счастье / Л. Н. Толстой. – Текст : непосредственный // Толстой, Л. Н. Повести и рассказы / Л. Н. Толстой. – Москва : Советская Россия, 1985. –С. 70-144.

«Между тем пришла весна. Прежняя моя тоска прошла и заменилась весеннею мечтательною тоскою непонятных надежд и желаний. Хотя я жила не так, как в начале зимы, а занималась и Соней, и музыкой, и чтением, я часто уходила в сад и долго, долго бродила одна по аллеям или сидела на скамейке, бог знает о чём думая, чего желая и надеясь. Иногда и целые ночи, особенно месячные, я просиживала до утра у окна своей комнаты, иногда в одной кофточке, потихоньку от Кати, выходила в сад и по росе бегала до пруда, и один раз вышла даже в поле и одна ночью обошла весь сад кругом». (С.75-76)

«Семейное счастье» (12+)

«Сад уже был весь в зелени, в заросших клумбах уже поселились соловьи на все Петровки. Кудрявые кусты сирени кое-где как будто посыпаны были сверху чем-то белым и лиловым. Это цветы готовились распускаться. Листва берёзовой аллеи была вся прозрачна на заходящем солнце. На террасе была свежая тень. Сильная вечерняя роса должна была лечь на траву». (С. 76)

«Семейное счастье» (12+)

Толстой, Л. Н. Юность / Л. Н. Толстой. // ЛИТМИР. Электронная библиотека. – Текст : электронный. – URL : <https://www.litmir.me/br/?b=27689&p=1> (дата обращения: 17.09.2020).

«Случалось ли вам летом лечь спать днём в пасмурную дождливую погоду и, проснувшись на закате солнца, открыть глаза и в расширяющемся четырёхугольнике окна, из-под полотняной сторы, которая, надувшись, бьётся прутком об подоконник, увидеть мокрую от дождя, тенистую, лиловатую сторону липовой аллеи и сырую садовую дорожку, освещённую яркими косыми лучами, услышать вдруг весёлую жизнь птиц в саду и увидеть насекомых, которые выются в отверстиях окна, просвечивая на солнце, почувствовать запах последождевого воздуха и подумать: «Как мне не стыдно было проспать такой вечер», – и торопливо вскочить, чтобы идти в сад порадоваться жизнью? Если случалось, то вот образчик того сильного чувства, которое я испытывал в это время».

«Юность» (12+)

«В таких разговорах мы и не заметили, как подъезжали к Кунцеву, – не заметили и того, что небо заволокло и собирался дождик. Солнце уже стояло невысоко, направо, над старыми деревьями кунцевского сада и половина блестящего красного круга была закрыта серой, слабо просвечивающей тучей; из другой половины брызгами вырывались раздробленные огненные лучи и поразительно ярко освещали старые деревья сада, неподвижно блестящие своими зелёными густыми макушками ещё на ясном, освещённом месте лазури неба. Блеск и свет этого края неба был резко противоположен лиловой тяжёлой туче, которая залегла перед нами над молодым березняком, видневшимся на горизонте».

«Юность» (12+)

«Любимое место княгини было совершенно внизу, в самой глуши сада, на маленьком мостике, перекинутом через узкое болотце. Вид был очень ограниченный, но очень задумчивый и грациозный. Мы так привыкли смешивать искусство с природою, что очень часто те явления природы, которые никогда не встречали в живописи, нам кажутся неестественными, как будто природа ненатуральна, и наоборот: те явления, которые слишком часто повторялись в живописи, кажутся нам избитыми, некоторые же виды, слишком проникнутые одной мыслью и чувством, встречающиеся нам в действительности, кажутся вычурными. Вид с любимого места княгини был в таком роде. Его составляли небольшой, заросший с краёв прудик, сейчас же за ним крутая гора вверх, поросшая огромными старыми деревьями и кустами, часто перемешивающими свою разнообразную зелень, и перекинутая над прудом, у начала горы, старая берёза, которая, держась частью своих толстых корней в влажном берегу пруда, макушкой опёрлась на высокую, стройную осину и повесила кудрявые ветви над гладкой поверхностью пруда, отражавшего в себе эти висящие ветки и окружавшую зелень.

– Что за прелесть! – сказала княгиня, покачивая головой и не обращаясь ни к кому в особенности.

– Да, чудесно, но только, мне кажется, ужасно похоже на декорацию, – сказал я, желая доказать, что я во всём имею свое собственное мнение».

«Юность» (12+)

22. Тургенев Иван Сергеевич

Сад в романах, повестях и рассказах И. С. Тургенева выступает, прежде всего, неотъемлемой частью усадебного ансамбля, логическим продолжением дома. Именно архитектурой дома – «огромного, каменного, сооружённого по рисункам Растрелли» – задаётся планировка сада.

Тургенев, И. С. Бригадир / И. С. Тургенев. – Текст : непосредственный // Тургенев, И. С. Записки охотника. Повести и рассказы / И. С. Тургенев. – Москва : Художественная литература, 1979. – С. 491-509. – (Библиотека классики. Русская литература).

«Проточный пруд, заросший лозником и камышами, приволье хлопотливых уток, к которым изредка присосеживается осторожный «чирок»; за прудом сад с аллеями лип, этой красы и чести наших чернозёмных равнин, с заглохшими грядками «шпанской» земляники, со сплошной чащей крыжовника, смородины, малины, посреди которой, в томный час неподвижного полуденного зноя, уж непременно мелькнёт пёстрый платочек дворовой девушки и зазвенит её пронзительный голосок; тут же амбарчик на курьих ножках, оранжерея, плохенький огород со стаей воробьёв на тычинках и прикорнувшей кошкой близ провалившегося колодца; дальше – кудрявые яблони над высокой, снизу зелёной, кверху седой травой, жидкие вишни, груши, на которых никогда не бывает плода; потом клумбы с цветами – маком, пионами, анютиными глазками, крыжантами, «девицей в зелени», кусты татарской жимолости, дикого жасмину, сирени и акации, с непрерывным пчелиным, шмелиным жужжанием в густых, пахучих, липких ветках...» (С. 491)

«Бригадир» (12+)

Тургенев, И. С. Дворянское гнездо : роман / И. С. Тургенев. – Москва : Детская литература, 2002. – 237 с. – (Школьная литература). – Текст : непосредственный.

«Осмотрев дом, Лаврецкий вышел в сад и остался им доволен. Он весь зарос бурьяном, лопухами, крыжовником и малиной; но в нём было много тени, много старых лип, которые поражали своею громадностью и странным расположением сучьев; они были слишком тесно посажены и когда-то – лет сто тому назад – стрижены. Сад оканчивался небольшим светлым прудом с каймой из высокого красноватого тростника». (С. 72)

«Дворянское гнездо» (12+)

«В саду Калитиных, в большом кусте сирени, жил соловей; его первые вечерние звуки раздавались в промежутках красноречивой речи; первые звёзды зажигались на розовом небе над неподвижными верхушками лип». (С. 122)

«Дворянское гнездо» (12+)

«Лаврецкий вышел в сад, и первое, что бросилось ему в глаза, – была та самая скамейка, на которой он некогда провёл с Лизой несколько счастливых, не повторившихся мгновений; она почернела, искривилась; но он узнал её, и душу его охватило то чувство, которому нет равного и в сладости, и в горести, – чувство живой грусти об исчезнувшей молодости, о счастье, которым когда-то обладал». (С. 185)

«Дворянское гнездо» (12+)

Тургенев, И. С. Дневник лишнего человека / И. С. Тургенев. – Текст : непосредственный // Тургенев, И. С. Записки охотника. Повести и

рассказы / И. С. Тургенев. – Москва : Художественная литература, 1979. – С. 350-390. – (Библиотека классики. Русская литература).

«Я, признаюсь, даром что был тогда молод, а погрузил о продаже нашего гнезда; то есть по-настоящему я грустил только об одном нашем саде. С этим садом связаны почти единственные мои светлые воспоминания; там я в один тихий весенний вечер похоронил лучшего своего друга, старую собаку с куцым хвостом и кривыми лапками – Триксу; там, бывало, спрятавшись в высокую траву, я ел краденые яблоки, красные, сладкие новгородчины; там наконец я в первый раз увидел между кустами спелой малины горничную Клавдию, которая, несмотря на свой курносый нос и привычку смеяться в платок, возбудила во мне такую нежную страсть, что я в присутствии её едва дышал, замирал и безмолвствовал, а однажды, в светлое воскресенье, когда дошла до неё очередь приложиться к моей барской ручке, чуть не бросился целовать её стоптанные козловые башмаки. Боже мой! Неужели ж этому всему двадцать лет? Кажется, давно ли еду я на моей рыженькой косматой лошадке вдоль старого плетня нашего сада и, приподнявшись на стременах, срываю двухцветные листья тополей? Пока человек живёт, он не чувствует своей собственной жизни: она, как звук, становится ему внятною спустя несколько времени.

О мой сад, о заросшие дорожки возле мелкого пруда! о песчаное местечко под дряхлой плотиной, где я ловил пескарей и гольцов! и вы, высокие берёзы, с длинными висячими ветками, из-за которых с просёлочной дороги, бывало, неслась унылая песенка мужика, неровно прерываемая толчками телеги, – я посылаю вам моё последнее прости!.. Расставаясь с жизнью, я к вам одним простираю мои руки. Я бы хотел ещё раз надышаться горькой свежестью полыни, сладким запахом сжатой гречихи на полях моей родины; я бы хотел ещё раз услышать издали скромное тьяканье надтреснутого колокола в приходской нашей церкви; ещё раз полежать в прохладной тени под дубовым кустом на скате знакомого оврага; ещё раз проводить глазами подвижный след ветра, тёмной струею бегущего по золотистой траве нашего луга...» (С. 353-354)

«Дневник лишнего человека» (12+)

«В губернских городах, в так называемых публичных садах, вы ни в какое время года не встретите живой души; разве какая-нибудь старуха, кряхтя, присядет на пропечённую солнцем зелёную скамейку, в соседстве больного деревца, да и то коли поблизости нет засаленной лавочки у подворотни. Но если в соседстве города находится жиденская берёзовая рощица, купцы, а иногда и чиновники, по воскресным и праздничным дням, охотно туда ездят с самоварами, пирогами, арбузами, становятся всю эту благодать на пыльную траву возле самой дороги, садятся кругом и кушают и чайничают в поте лица до самого вечера. Именно такого рода рощица существовала тогда в двух верстах от города О... Мы приехали туда после

обеда, напились как следует чаю и потом все четверо отправились походить по роще». (С. 361)

«Дневник лишнего человека» (12+)

«За домом Ожогоиных находился довольно большой сад, оканчивавшийся липовой рощицей, заброшенной и заросшей. Посредине этой рощи возвышалась старинная беседка в китайском вкусе; бревенчатый забор отделял сад от глухого проулка». (С. 385-386)

«Дневник лишнего человека» (12+)

Тургенев, И. С. Затишье / И. С. Тургенев. – Текст : непосредственный // Тургенев, И. С. Сочинения: в 12 т. Т. 4. Повести и рассказы. Статьи и рецензии. 1844-1854 / И. С. Тургенев. – Москва : Издательство «Наука», 1980. – С. 380-451.

«Вокруг всего пруда шёл старинный сад: липы тянулись по нём аллеями, стояли сплошными купами; заматерелые сосны с бледно-жёлтыми стволами, тёмные дубы, великолепные ясени высоко поднимали там и сям свои одинокие верхушки; густая зелень разросшихся сиреней и акаций подступала вплоть до самых боков обоих домиков, оставляя открытыми одни их передние стороны, от которых бежали вниз по скатам извилистые, убитые кирпичом дорожки. Пёстрые утки, белые и серые гуси плавали отдельными станицами по светлой воде пруда: он никогда не зацветал благодаря обильным ключам, бившим в его "голове" со дна крутого и каменистого оврага. Местоположение усадьбы было хорошо: приветливо, уединённо и красиво». (С. 387)

«Затишье» (12+)

«Марья Павловна села за стол разливать чай, а Надежда Алексеевна подошла к двери террасы и стала глядеть в сад. После светлого летнего дня наступил ясный и тихий вечер: заря пылала; до половины облитый её багрянцем, широкий пруд стоял неподвижным зеркалом, величаво отражая в серебристой мгле своего глубокого лона и всю воздушную бездну неба, и опрокинутые, как бы почерневшие деревья, и дом. Всё замолкло кругом. Шума уже не было нигде.

– Посмотрите, как хорошо, – сказала Надежда Алексеевна подошедшему к ней Владимиру Сергеичу, – вон там, внизу, в пруде звезда зажглась подле огонька в доме; он красный, она золотая. А вот и бабушка едет, – прибавила она громко». (С. 400)

«Затишье» (12+)

Тургенев, И. С. Фауст / И. С. Тургенев. – Текст : непосредственный // Тургенев, И. С. Отцы и дети. Повести. Рассказы. Стихотворения в прозе / И. С. Тургенев. – Москва : Олимп, АСТ, 1999. – С. 316-355. – (Школа классики).

«Люблю я эти аллеи, люблю серозелёный нежный цвет и тонкий запах воздуха под их сводами; люблю пестреющую сетку светлых кружков по тёмной земле – песку у меня, ты знаешь, нету. Мой любимый дубок стал уже молодым дубом. Вчера, среди дня, я более часа сидел в его тени на скамейке. Мне очень хорошо было. Кругом трава так весело цвела; на всём лежал золотой свет, сильный и мягкий; даже в тень проникал он... А что слышалось птиц! Ты, я надеюсь, не забыл, что птицы – моя страсть. Горлинки немолчно ворковали, изредка свистала иволга, зяблик выделял своё милое коленце, дрозды сердились и трещали, кукушка отзывалась вдали; вдруг, как сумасшедший, пронзительно кричал дятел. Я слушал, слушал весь этот мягкий, слитный гул, и пошевелинуться не хотелось, а на сердце не то лень, не то умиление. И не один сад вырос: мне на глаза беспрестанно попадаются плотные, дюжие ребята, в которых я никак не могу признать прежних знакомых мальчишек. А твой фаворит, Тимоша, стал теперь таким Тимофеем, что ты себе представить не можешь». (С. 316)

«Фауст» (12+)

23. Фет Афанасий Афанасьевич

Во многих стихотворениях А. А. Фета мотив сада становится центральным, сюжетообразующим. При этом поэт выступает как подлинный художник, старается запечатлеть каждое мгновение.

Фет, А. А. Старый сад / А. А. Фет. – Текст : электронный // РуСтих. – URL : <https://rustih.ru/afanasij-fet-v-sadu/> (дата обращения: 17.09.2020).

«Люблю я этот старый сад,
Он мил, как мгла воспоминанья.
С тоской впиваю аромат
Его осеннего дыханья.
Вздыхаю тихо и грущу,
Входя в забытые аллеи.
Я место милое ищу:
Тропинки, узкие как змеи,
Там, извиваяся, бегут
По склону двух холмов, и вместе
Они сплетаются, где пруд
Блестит, как сталь.
На этом месте
Я в раннем детстве отдыхал.
Там гнулись бледные ракиты,
И я под сенью их мечтал.
О чём? Мечты те позабыты!
Но я люблю и до сих пор
Тропинку, узкую как змейку,

И сень раки, и ту скамейку,
Где уследит прилежный взор
Ножом начерченные строки
Элегий томных при луне,
Когда мне первые уроки
Дарила муза в тишине.
И в час, когда мечта приводит
Меня сюда, вздыхаю я:
Моё младенчество здесь бродит,
Здесь дремлет молодость моя».

«Старый сад» (12+)

24. Чехов Антон Павлович

Сад в произведениях А. П. Чехова – идеальный природный символ чувств героев; внешняя реальность, соответствующая их внутренней сущности. Цветущий вишневый сад является символом чистой, непорочной жизни, а вырубка сада обозначает уход и конец жизни. Сад стоит в центре столкновения различных душевных складов и общественных интересов.

Чехов, А. П. Дом с мезонином / А. П. Чехов. – Текст : непосредственный // Чехов, А. П. Избранное : рассказы, повести, пьесы. Воспоминания писателей о Чехове / А. П. Чехов. – Москва : Эксмо, 2003. – С. 342-359. – (Русская классика).

«Однажды, возвращаясь домой, я нечаянно забрёл в какую-то незнакомую усадьбу. Солнце уже пряталось, и на цветущей ржи растянулись вечерние тени. Два ряда старых, тесно посаженных, очень высоких елей стояли, как две сплошные стены, образуя мрачную, красивую аллею. Я легко перелез через изгородь и пошёл по этой аллее, скользя по еловым иглам, которые тут на вершок покрывали землю. Было тихо, темно, и только высоко на вершинах кое-где дрожал яркий золотой свет и переливал радугой в сетях паука. Сильно, до духоты пахло хвоей. Потом я повернул на длинную липовую аллею. И тут тоже запустение и старость; прошлогодняя листва печально шелестела под ногами, и в сумерках между деревьями прятались тени. Направо, в старом фруктовом саду, нехотя, слабым голосом пела иволга, должно быть, тоже старушка. Но вот и липы кончились; я прошёл мимо белого дома с террасой и с мезонином, и передо мною неожиданно развернулся вид на барский двор и на широкий пруд с купальней, с толпой зелёных ив, с деревней на том берегу, с высокой узкой колокольней, на которой горел крест, отражая в себе заходившее солнце. На миг на меня повеяло очарованием чего-то родного, очень знакомого, будто я уже видел эту самую панораму когда-то в детстве.

А у белых каменных ворот, которые вели со двора в поле, у старинных крепких ворот со львами, стояли две девушки». (С. 343)

«Дом с мезонином» (12+)

Чехов, А. П. Чайка / А. П. Чехов. – Текст : непосредственный // Чехов, А. П. Пьесы / А. П. Чехов. – Москва : Дрофа, 2003. – С. 5-60. – (Библиотека отечественной классической художественной литературы).

«Часть парка в имении Сорина. Широкая аллея, ведущая по направлению от зрителей в глубину парка к озеру, загорожена эстрадой, наскоро сколоченной для домашнего спектакля, так что озера совсем не видно. Налево и направо у эстрады кустарник». (С. 5)

«Чайка» (12+)

Чехов, А. П. Чёрный монах / А. П. Чехов. – Текст : непосредственный // Чехов, А. П. Избранное : рассказы, повести, пьесы. Воспоминания писателей о Чехове / А. П. Чехов. – Москва : Эксмо, 2003. – С. 275-304. – (Русская классика).

«Старинный парк, угрюмый и строгий, разбитый на английский манер, тянулся чуть ли не на целую версту от дома до реки и здесь оканчивался обрывистым, крутым глинистым берегом, на котором росли сосны с обнажившимися корнями, похожими на мохнатые лапы; внизу нелюдимо блестела вода, носились с жалобным писком кулики, и всегда тут было такое настроение, что хоть садись и балладу пиши. Зато около самого дома, во дворе и в фруктовом саду, который вместе с питомниками занимал десятин тридцать, было весело и жизнерадостно даже в дурную погоду. Таких удивительных роз, лилий, камелий, таких тюльпанов всевозможных цветов, начиная с ярко-белого и кончая чёрным как сажа, вообще такого богатства цветов, как у Песоцкого, Коврину не случалось видеть нигде в другом месте. Весна была ещё только в начале, и самая настоящая роскошь цветников пряталась ещё в теплицах, но уж и того, что цвело вдоль аллей и там и сям на клумбах, было достаточно, чтобы, гуляя по саду, почувствовать себя в царстве нежных красок, особенно в ранние часы, когда на каждом лепестке сверкала роса.

То, что было декоративною частью сада и что сам Песоцкий презрительно обзывал пустяками, производило на Коврина когда-то в детстве сказочное впечатление. Каких только тут не было причуд, изысканных уродств и издевательств над природой! Тут были шпалеры из фруктовых деревьев, груша, имевшая форму пирамидального тополя, шаровидные дубы и липы, зонт из яблони, арки, вензеля, канделябры и даже 1862 из слив – цифра, означавшая год, когда Песоцкий впервые занялся садоводством. Попадались тут и красивые стройные деревца с прямыми и крепкими, как у пальм, стволами, и, только пристально всмотревшись, можно было узнать в этих деревцах крыжовник или смородину. Но что больше всего веселило в саду и придавало ему оживлённый вид, так это постоянное движение. От раннего утра до вечера около деревьев, кустов, на аллеях и клумбах, как муравьи, копошились люди с тачками, мотыками, лейками...» (С. 276-276)

«Чёрный монах» (12+)

«В большом фруктовом саду, который назывался коммерческим и приносил Егору Семёнычу ежегодно несколько тысяч чистого дохода, стлался по земле чёрный, густой, едкий дым и, обволакивая деревья, спасал от мороза эти тысячи. Деревья тут стояли в шашечном порядке, ряды их были прямые и правильные, точно шеренги солдат, и эта строгая педантическая правильность и то, что все деревья были одного роста и имели совершенно одинаковые кроны и стволы, делали картину однообразной и даже скучной. Коврин и Таня прошли по рядам, где тлели костры из навоза, соломы и всяких отбросов, и изредка им встречались работники, которые бродили в дыму, как тени. Цвели только вишни, сливы и некоторые сорта яблонь, но весь сад утопал в дыму, и только около питомников Коврин вздохнул полной грудью». (С. 276)

«Чёрный монах» (12+)

25. Чулков Георгий Иванович

Сад – это покой, успокоение...

Сад – обязательный атрибут старой усадьбы.

Чулков, Г. И. Серёжа Нестроев / Г. И. Чулков. – Текст : электронный // Lib.ru. – URL : http://az.lib.ru/c/chulkow_g_i/text_1914_serezha_nestroeov.shtml (дата обращения: 17.09.2020).

«Серёжа, после неприятного объяснения с родителями, в некотором смущении и беспокойной тоске побрёл в сад, к пруду. Он любил сидеть там на мостках, на ветхой скамейке, и смотреть часами в прозрачную воду, где на солнце играла плотва, где иногда мелькали золотые караси, а порою, прислонившись скользким боком к водоросли, стояла щука, на охоте, поджидая жертву».

«Серёжа Нестроев» (12+)

26. Шмелёв Иван Сергеевич

Сад в произведениях И. С. Шмелёва предстаёт перед нами в разных образах: грустный и понурый, белоцветный и рубиновый от цветущих вишен.

Шмелёв, И. С. Неупиваемая чаша / И. С. Шмелёв. – Текст : непосредственный // Шмелёв, И. С. Избранные сочинения : в 2 т. Т. 1 : Повести и рассказы. Солнце мёртвых. / И. С. Шмелёв. – Москва : Литература, 1999. – 624 с. – С.392-444. – (Всемирная литература).

«Гости стоят в грустном очаровании на сыроватых берегах огромного полноводного пруда, отражающего зеркально каменную плотину, столетние липы и тишину; слушают кукушку в глубине парка; вглядываются в зелёные

камни пристаньки с затонувшей лодкой, наполненной головастиками, и стараются представить себе, как здесь было. Хорошо бы пробраться на островок, где теперь всё в малине, а весной поют соловьи в черёмуховой чаше; но мостки на островок рухнули на серёдке, и прогнили под берестой берёзовые перильца». (С. 392)

«Неупиваемая чаша» (12+)

«Стояла в монастырском саду караулка – один сруб, без настила, – крытая по жердям соломой. Тут и жили живописные мастера, а обедать ходили в трапезную палату.

Ещё когда цвели яблони, в первые дни работы, вышел Илья из караулки на восходе солнца. Весь белый был сад, в слабом свете просыпающегося солнца, и хорошо пели птицы. Так хорошо было, что переполнилось сердце, и заплакал Илья от радости. Стал на колени в траве и помолился по-утреннему, как знал: учила его скотница Агафья.» (С. 403)

«Неупиваемая чаша» (12+)

Шмелёв, И. С. Пугливая тишина / И. С. Шмелёв // Шмелёв, И. С. Избранные сочинения : в 2 т. Т. 1 : Повести и рассказы. Солнце мёртвых. / И. С. Шмелёв. – Москва : Литература, 1999– 624 с. – С. 238-271. – (Всемирная литература). – Текст : непосредственный

«За усыпанной красным песком площадкой, с маленькими следками ног, за длинными клумбами закрывшегося на день табака и белых левкоев дремал в полном солнце вишняк, испугиваемый вороватым испариваньем воробьиной силы. Кто-то невидимый встряхивал вдруг неприметную в солнечной синеве бечеву, и уснувшие в воздухе сухие дощечки начинали сыпать тревожным щёлканьем. Покачивались и замирали, как усталые крылья». (С. 239)

«Пугливая тишина» (12+)

«Как осыпанный кровавым градом, ширился и тянулся к земле вишняк. Млел в тишине и солнце. Вспыхивало в нём загорающимся рубином, трепетным и сквозным, и чёрным гляncем начинающих поспевать вишен». (С. 247)

«Пугливая тишина» (12+)

Усадьбы

Усадьбы

**«Дома косые, двухэтажные,
И тут же рига, скотный двор,
Где у корыта гуси важные
Ведут немолчный разговор.
В садах настурции и розаны,
В прудах зацветших караси,
– Усадьбы старые разбросаны
По всей таинственной Руси».**
Н. С. Гумилёв «Старые усадьбы»

Вполне определённую роль в романах русских писателей играет описание устройства, обстановки усадеб, бытовых деталей жизни героев. «Дворянские гнёзда» – это в первую очередь родовые усадьбы: старинные дома, окружённые великолепными садами и аллеями с вековыми деревьями.

Авторы показывают нам жизнь в конкретном реальном предметном окружении. Обстановка дома, его атмосфера имеет большое значение для формирования личности в раннем возрасте, когда человек интенсивно впитывает зрительные и звуковые образы, поэтому писатели уделяют внимание описанию усадебной обстановки и быта, чтобы полнее охарактеризовать своих героев, выросших здесь.

27. Аксаков Сергей Тимофеевич

С. Т. Аксаков в автобиографических произведениях «Семейная хроника» и «Детские годы Багрова-внука» одним из первых предпринял попытку воссоздать провинциальную жизнь в её первоизданной сущности.

Аксаков, С. Т. Детские годы Багрова-внука : повесть / С. Т. Аксаков. – Москва : Детская литература, 2001. – 349 с. – (Школьная библиотека). – Текст : непосредственный.

«Мы жили тогда в губернском городе Уфе и занимали огромный зубинский деревянный дом, купленный моим отцом, как я после узнал, с аукциона за триста рублей ассигнациями. Дом был обит тёмсом, но не выкрашен; он потемнел от дождей, и вся эта громада имела очень печальный вид. Дом стоял на косогоре, так что окна в сад были очень низки от земли, а окна из столовой на улицу, на противоположной стороне дома, возвышались

аршина три над землёй; парадное крыльцо имело более двадцати пяти ступенек, и с него была видна река Белая почти во всю свою ширину. Две детские комнаты, в которых я жил вместе с сестрой, выкрашенные по штукатурке голубым цветом, находившиеся возле спальни, выходили окошками в сад, и посаженная под ними малина росла так высоко, что на целую четверть заглядывала к нам в окна, что очень веселило меня и неразлучного моего товарища – маленькую сестрицу». (С. 25-26)

«Детские годы Багрова-внука» (6+)

«У нас в доме была огромная зала, из которой две двери вели в две небольшие горницы, довольно тёмные, потому что окна из них выходили в длинные сени, служившие коридором; в одной из них помещался буфет, а другая была заперта; она некогда служила рабочим кабинетом покойному отцу моей матери; там были собраны все его вещи: письменный стол, кресло, шкаф с книгами и проч.» (С. 26-27)

«Детские годы Багрова-внука» (6+)

28. Бальмонт Константин Дмитриевич

Современники поэта отмечали, что «очарование лучших стихотворений К. Д. Бальмонта состояло в том, что это были – «куски жизни», и «никогда он ничего не придумывал, ни в прозе, ни в стихах. ... Писал только о пережитом, виденном».

Бальмонт, К. Д. Памяти Тургенева / К. Д. Бальмонт. – Текст : электронный // РуСтих. Стихи классиков. – URL : <https://rustih.ru/konstantin-balmont-pamyati-turgeneva/> (дата обращения: 18.05.2020).

«Дворянских гнезд заветные аллеи.
Забывтый сад, полузросший пруд.
Как хорошо, как всё знакомо тут!
Сирень, и резеда, и эпомеи,
И георгины гордые цветут.
Затмилась ночь. Чуть слышен листьев ропот.
За рощей чуть горит луны эмаль.
И в сердце молодом встаёт печаль.
И слышен чей-то странный, грустный шёпот.
Кому-то в этот час чего-то жаль».

«Памяти Тургенева» (12+)

29. Андрей Белый

Сюжет некоторых стихотворений поэта прост: лирический герой, бродит по заброшенному поместью, смотрит на старые предметы домашней утвари, проникается тоскливым духом брошенного старого дома...

Белый, Андрей. Усадьба / Андрей Белый. – Текст : электронный // РуСтих. Стихи классиков. – URL : <https://rustih.ru/andrej-belyj-usadba/> (дата обращения: 14.05.2020).

«Чугунные тумбы
Торчат под крыльцом;
Поросшие клумбы;
Заброшенный дом.
Дворянских фамилий
Облупленный герб,
И – заросли лилий,
И – заросли верб.
Там ставнею сорванной
Хлопнет окно;
Там жизни оборванной
Тёмное дно: –
Кушетки, козетки,
Курганы, чехлы.
И мёртвые предки
Пролегли из тьмы.
Под сводами арок
Темнеет порой
Там плачущих парок
Бормочущий рой».

«Усадьба» (12+)

30. Брюсов Валерий Яковлевич

Усадьбы В. Я. Брюсова – забытые, брошенные, разрушающиеся. Рушатся старые дома, «дряхлеют» парки и сады... Везде запустение...

Брюсов, В. Я. В полях забытые усадьбы... / В. Я. Брюсов. – Текст : электронный // РуСтих. Стихи классиков. – URL: <https://rustih.ru/valerij-bryusov-v-polyax-zabytye-usadby/> (дата обращения: 17.09.2020).

«В полях забытые усадьбы
Свой давний дозируют сон.
И церкви сельские, простые
Забыли про былые свадьбы,

Про роскошь барских похорон.
Дряхлеют парки вековые
С аллеями душистых лип.
Над прудом, где гниют беседки,
В тиши, в часы вечеровые,
Лишь выпи слышен зыбкий всхлип.
Выходит месяц, нежит ветки
Акаций, нежит робость струй.
Он помнит прошлые затеи:
Шёлк, кружева, на косах сетки,
Смех, шёпот, быстрый поцелуй.
Теперь всё тихо. По аллее
Лишь жаба, волочась, ползёт
Да ёж проходит осторожно...
И всё бессильней, всё грустнее
Сгибаются столбы ворот
Лишь в бурю, осенью тревожно
Парк стонет громко, как больной,
Стряхнуть стараясь ужас сонный...
Старик, жить дважды невозможно:
Ты вдруг проснёшься, пробуждённый
Внезапно взвизгнувшей пилой!»

«В полях забытые усадьбы...» (12+)

31. Булгаков Михаил Афанасьевич

Мотив усадьбы звучал в ранних произведениях М. А. Булгакова.

Булгаков, М. А. Белая гвардия : роман / М. А. Булгаков. – Москва : Детская литература, 2001. – 349 с. – (Школьная библиотека). – Текст : непосредственный.

«Вот этот изразец, и мебель старого красного бархата, и кровати с блестящими шишечками, потёртые ковры, пёстрые и малиновые, с соколом на руке Алексея Михайловича, с Людовиком XIV, нежащимся на берегу шёлкового озера в райском саду, ковры турецкие с чудными завитушками на восточном поле, что мерещились маленькому Николке в бреду скарлатины, бронзовая лампа под абажуром, лучшие на свете шкапы с книгами, пахнущими таинственным старинным шоколадом, с Наташей Ростовою, Капитанскою Дочкою, золочёные чашки, серебро, портреты, портьеры, – все семь пыльных и полных комнат, выростивших молодых Турбиных, всё это мать в самое трудное время оставила детям и, уже задыхаясь и слабея, цепляясь за руку Елены плачущей, молвила:

– Дружно... живите.

Но как жить? Как же жить?» (С. 25)

«Белая гвардия» (16+)

32. Бунин Иван Алексеевич

Усадьба у Бунина – это не просто место действия, а полноценный герой произведения со своим характером и постоянно меняющимся настроением. В произведениях Бунина дома неразрывно связаны с культурными традициями дворянства, налаженным бытом и своими обычаями. В этих домах и около них всегда тихо, зелено, сыто и многолюдно. Такова усадьба в произведениях: «Танька», «На хуторе», «Антоновские яблоки», «Деревня», «Суходол», «На даче», «Митина любовь», «Жизнь Арсеньева», «Тёмные аллеи».

Бунин, И. А. Грамматика любви / И. А. Бунин. – Текст : непосредственный // Бунин, И. А. Грамматика любви : повести и рассказы / И. А. Бунин. – Москва : Астрель, АСТ, 2001. – С.166-180. – (Любимые книги девочек).

«Правда, в доме было гораздо холоднее, чем на воздухе. В неприветливой передней, оклеенной газетами, на подоконнике печального от туч окна стояла лубяная перепелиная клетка. По полу сам собою прыгал серый мешочек. Наклонившись, молодой человек поймал его и положил на лавку, и Ивлев понял, что в мешочке сидит перепел; затем вошли в зал. Эта комната, окнами на запад и на север, занимала чуть ли не половину всего дома. В одно окно, на золоте расчищающейся за тучами зари, видна была столетняя, вся чёрная плакучая берёза. Передний угол весь был занят божницей без стёкол, уставленной и увешанной образами; среди них выделялся и величиной и древностью образ в серебряной ризе, и на нём, желтея воском, как мёртвым телом, лежали венчальные свечи в бледно-зелёных бантах.

– Простите, пожалуйста, – начал было Ивлев, превозмогая стыд, – разве ваш батюшка...

– Нет, это так, – пробормотал молодой человек, мгновенно поняв его. – Они уже после её смерти купили эти свечи... и даже обручальное кольцо всегда носили...

Мебель в зале была топорная. Зато в простенках стояли прекрасные горки, полные чайной посудой и узкими, высокими бокалами в золотых ободках. А пол весь был устлан сухими пчёлами, которые щёлкали под ногами. Пчёлами была усыпана и гостиная, совершенно пустая. Пройдя её и ещё какую-то сумрачную комнату с лежанкой, молодой человек остановился возле низенькой двери и вынул из кармана брюк большой ключ. С трудом повернув его в ржавой замочной скважине, он распахнул дверь, что-то пробормотал, – и Ивлев увидел каморку в два окна; у одной стены её стояла железная голая койка, у другой – два книжных шкапчика из карельской берёзы.

– Это и есть библиотека? – спросил Ивлев, подходя к одному из них.

И молодой человек, поспешив ответить утвердительно, помог ему растворить шкапчик и жадно стал следить за его руками.

Престранные книги составляли эту библиотеку! Раскрывал Ивлев толстые переплёты, отворачивал шершавую серую страницу и читал: «Закрытое урочище»... «Утренняя звезда и ночные демоны»... «Размышления о таинствах мироздания»... «Чудесное путешествие в волшебный край»... «Новейший сонник»...» (С. 173-174)

«Грамматика любви» (16+)

«Дом, довольно большой, когда-то белёный, с блестящей мокрой крышей, стоял на совершенно голом месте. Не было кругом ни сада, ни построек, только два кирпичных столба на месте ворот да лопухи по канавам. Когда лошади вброд перешли речку и поднялись на гору, какая-то женщина в летнем мужском пальто, с обвисшими карманами, гнала по лопухам индюшек. Фасад дома был необыкновенно скучен: окон в нём было мало, и все они были невелики, сидели в толстых стенах. Зато огромны были мрачные крыльца».

(С. 172)

«Грамматика любви» (16+)

Бунин, И. А. Деревня / И. А. Бунин. – Текст : непосредственный // Бунин, И. А. Антоновские яблоки : повести и рассказы / И. А. Бунин. – Москва : Детская литература, 1975. – С. 36-156. – (Школьная библиотека).

«Против дома, задом к Дурновке, к широкому логу, стояли амбары. С крыльца дома, чуть влево, видна была Дурновка, вправо – часть мыса: ветряк и школа. Комнаты были малы и пусты. В кабинете была ссыпана рожь, в зале и гостиной стояло только несколько стульев с продранными сиденьями. Гостиная выходила окнами в сад, и всю осень Кузьма ночевал в ней на продавленном диване, не закрывая окон. Пол никогда не мели: за кухарку первое время жила вдова Однодворка, бывшая любовница молодого Дурново, которой надо было и к ребятишкам своим бегать, и себе кое-что стряпать, и Кузьме с работником. Кузьма сам ставил по утрам самовар, потом сидел под окном в зале, пил чай с яблоками». (С. 118)

«Деревня» (16+)

Бунин, И. А. Жизнь Арсеньева / И. А. Бунин. – Текст : непосредственный // Бунин, И. А. Тёмные аллеи / И. А. Бунин. – Москва : Дрофа, 2003. – С. 5-270.

«Усадьба – небольшая, но вся старая, прочная, окружённая столетними берёзами и лозинами. Надворных построек – невысоких, но домовитых – множество, и все они точно слиты из тёмных дубовых брёвен под соломенными крышами. Выделяется величиной или, лучше сказать, длиной только почерневшая людская, из которой выглядывают последние могикане дворового сословия – какие-то ветхие старики и старухи, дряхлый повар в отставке, похожий на Дон-Кихота. Все они, когда въезжаешь во двор, подтягиваются и низко-низко кланяются. Седой кучер, направляющийся от

каретного сарая взять лошадь, ещё у сарая снимает шапку и по всему двору идёт с обнажённой головой. Он у тётки ездил фореитором, а теперь возит её к обедне, – зимой в возке, а летом в крепкой, окованной железом тележке, вроде тех, на которых ездят попы. Сад у тётки славился своею запущенностью, соловьями, горlinkами и яблоками, а дом – крышей. Стоял он во главе двора, у самого сада, – ветви лип обнимали его, – был невелик и приземист, но казалось, что ему и веку не будет, – так основательно глядел он из-под своей необыкновенно высокой и толстой соломенной крыши, почерневшей и затвердевшей от времени. Мне его передний фасад представлялся всегда живым: точно старое лицо глядит из-под огромной шапки впадинами глаз, – окнами с перламутровыми от дождя и солнца стёклами. А по бокам этих глаз были крыльца, – два старых больших крыльца с колоннами. На фронте их всегда сидели сытые голуби, между тем как тысячи воробьёв дождём пересыпались с крыши на крышу... И уютно чувствовал себя гость в этом гнезде под бирюзовым осенним небом!

Войдёшь в дом и прежде всего услышишь запах яблок, а потом уже другие: старой мебели красного дерева, сушёного липового цвета, который с июня лежит на окнах... Во всех комнатах – в лакейской, в зале, в гостиной – прохладно и сумрачно: это оттого, что дом окружён садом, а верхние стёкла окон цветные: синие и лиловые. Всюду тишина и чистота, хотя, кажется, кресла, столы с инкрустациями и зеркала в узеньких и витых золотых рамах никогда не трогались с места. И вот слышится покашливание: выходит тётка. Она небольшая, но тоже, как и все кругом, прочная. На плечах у неё накинута большая персидская шаль. Выйдет она важно, но приветливо, и сейчас же под бесконечные разговоры про старину, про наследства, начинают появляться угощения: сперва «дули», яблоки, – антоновские, «бель-барыня», боровинка, «плодовитка», – а потом удивительный обед: вся насквозь розовая варёная ветчина с горошком, фаршированная курица, индюшка, маринады и красный квас, – крепкий и сладкий-пресладкий... Окна в сад подняты, и оттуда веет бодрой осенней прохладой». (С. 26-27)

«Жизнь Арсеньева» (16+)

«В этом имении я бывал впоследствии много раз. Оно когда-то принадлежало нашей матери. Отец, имевший неутомимую страсть всё сбывать с рук, давно продал и прожил его. После смерти нового владельца оно перешло к какой-то "кавалерственной даме", жившей в Москве, и было заброшено: земля сдавалась мужикам, а усадьба предоставлена воле Божией. И часто, проезжая мимо неё по большой дороге, от которой она была в какой-нибудь версте, я сворачивал, ехал по широкой дубовой аллее, ведшей к ней, въезжал на просторный двор, оставлял лошадь возле конюшен, шёл к дому... Сколько заброшенных поместий, запущенных садов в русской литературе и с какой любовью всегда описывались они! В силу чего русской душе так мило, так отрадно запустенье, глушь, распад? Я шёл к дому, проходил в сад, поднимавшийся за домом... Конюшни, людские избы, амбары и прочие службы, раскинутые вокруг пустынного двора, – всё было огромно, серо, всё

разрушалось и дичало, как дичали, зарастали бурьяном, кустарником и огороды, гумна, простирившиеся за ними и сливавшиеся с полем.

Деревянный дом, обшитый серым тёсом, конечно, гнил, ветшал, с каждым годом делаясь всё пленительнее, и особенно любил я заглядывать в его окна с мелкорешётчатыми рамами ... как передать те чувства, что испытываешь в такие минуты, когда как бы воровски, кощунственно заглядываешь в старый, пустой дом, в безмолвное и таинственное святилище его давней, исчезнувшей жизни!» (С. 79)

«Жизнь Арсеньева» (16+)

Бунин, И. А. Митина любовь / И. А. Бунин. – Текст непосредственный // Бунин, И. А. Грамматика любви : повести и рассказы / И. А. Бунин. – Москва : Астрель, АСТ, 2001. – С.11-84. – (Любимые книги девочек).

«Усадьба была небольшая, дом старый и незатейливый, хозяйство несложное, не требующее большой дворни, – жизнь для Мити началась тихая». (С. 30)

«Митина любовь» (12+)

Бунин, И. А. На даче / И. А. Бунин. – Текст : непосредственный // Бунин, И. А. Первая любовь : повести и рассказы. 1892-1909 / И. А. Бунин. – Москва : АСТ, 2002. – С. 107-143. – (Классическая проза).

«Со двора звонко и весело раздавалось кудахтанье кур. В доме ещё стояла тишина светлого летнего утра. Гостиная соединялась со столовой аркой, а к столовой примыкала ещё небольшая комната, вся наполненная пальмами и олеандрами в кадках и ярко озарённая янтарным солнечным светом. Канарейка возилась там в покачивающейся клетке, и слышно было, как иногда сыпались, чётко падали на пол зёрна семени». (С. 110)

«На даче» (16+)

Бунин, И. А. Суходол / И. А. Бунин. – Текст : непосредственный // Бунин, И. А. Антоновские яблоки : повести и рассказы / И. А. Бунин. – Москва : Детская литература, 1975. – С.157-210.

«...от дедовского дубового дома, много раз горевшего, остался вот этот, невзрачный, от сада – кустарники да несколько старых берёз и тополей, от служб и людских – изба, амбар, глиняный сарай да ледник, заросший полыньёю и подснежником... Запахло самоваром, посыпались рассысы; стали появляться из столетней горки хрустальные вазочки для варенья, золотые ложечки, истончившиеся до кленового листа, сахарные сушки, сбережённые на случай гостей. И, пока разгорался разговор, усиленно дружелюбный после долгой ссоры, пошли мы бродить по темнеющим горницам, ища балкона, выхода в сад.

Всё было черно от времени, просто, грубо в этих пустых, низких горницах, сохранивших то же расположение, что и при дедушке, срубленных из остатков тех самых, в которых обитал он. В углу лакейской чернел большой образ святого Меркурия Смоленского, того, чьи железные сандалии и шлем хранятся на солее в древнем соборе». (С. 163)

«Суходол» (12+)

«Доски пола в зале были непомерно широки, темны и скользки, окна малы, с подъёмными рамами. По залу, уменьшенному двойнику того самого, где Хрущевы садились за стол с татарками, мы прошли в гостиную. Тут, против дверей на балкон, стояло когда-то фортепиано, на котором играла тётя Тоня, влюблённая в офицера Войткевича, товарища Петра Петровича. А дальше зияли раскрытые двери в диванную, в угольную, – туда, где были когда-то дедушкины покои...» (С. 164)

«Суходол» (12+)

«Пахло жасмином в старой гостиной с покосившимися полами. Сгнивший, серо-голубой от времени балкон, с которого, за отсутствием ступенек, надо было спрыгивать, тонул в крапиве, бузине, бересклете. В жаркие дни, когда его пекло солнце, когда были отворены осевшие стеклянные двери и весёлый отблеск стекла передавался в тусклое овальное зеркало, висевшее на стене против двери, все вспоминалось нам фортепиано тёти Тони, когда-то стоявшее под этим зеркалом. Когда-то играла она на нём, глядя на пожелтевшие ноты с заглавиями в завитушках, а он стоял сзади, крепко подпирая талию левой рукой, крепко сжимая челюсти и хмурясь. Чудесные бабочки – и в ситцевых пёстреньких платьицах, и в японских нарядах, и в чёрно-лиловых бархатных шалях – залетали в гостиную. И перед отъездом он с сердцем хлопнул однажды ладонью по одной из них, трепетно замиравшей на крышке фортепиано. Осталась только серебристая пыль». (С. 165)

«Суходол» (12+)

«Дом был под соломенной крышей, толстой, тёмной и плотной. И глядел он на двор, по сторонам которого шли длиннейшие службы и людские в несколько связей, а за двором расстилался бесконечный зелёный выгон и широко раскидывалась барская деревня, большая, бедная и – беззаботная». (С. 170)

«Суходол» (12+)

«Хутор Сошки цел и донине, хотя уже давно перешёл к тамбовскому купцу. Это – длинная изба среди пустой равнины, амбар, журавль колодца и гумно, вокруг которого бахчи». (С. 175)

«Суходол» (12+)

33. Гоголь Николай Васильевич

Описание усадьбы используется Н. В. Гоголем в поэме «Мёртвые души» как средство характеристики помещиков: изображение героя, его поведение, устройство быта. Описание бытового окружения помогает раскрыть образы главных героев произведения.

Гоголь, Н. В. Мёртвые души : поэма / Н. В. Гоголь. – Москва : Детская литература, 2001. – 351 с. – (Школьная библиотека). – Текст : непосредственный.

«Дом господский стоял одиночкой на юру, то есть на возвышении, открытом всем ветрам, каким только вздумается подуть; покатость горы, на которой он стоял, была одета подстриженным дёрном. На ней были разбросаны по-английски две-три клумбы с кустами сиреней и жёлтых акаций; пять-шесть берёз небольшими купами кое-где возносили свои мелколистные жиденькие вершины. Под двумя из них видна была беседка с плоским зелёным куполом, деревянными голубыми колоннами и надписью: «Храм уединённого размышления»; пониже пруд, покрытый зеленью, что, впрочем, не в диковинку в аглицких садах русских помещиков. У подошвы этого возвышения, и частью по самому скату, темнели вдоль и поперёк серенькие бревенчатые избы, которые герой наш, неизвестно по каким причинам, в ту же минуту принялся считать и насчитал более двухсот; нигде между ними растущего деревца или какой-нибудь зелени; везде глядело только одно бревно. Вид оживляли две бабы, которые, картинно подобравши платья и подтыкавшись со всех сторон, брели по колени в пруде, влача за два деревянные кляча изорванный бредень, где видны были два запутавшиеся рака и блестела попавшаяся плотва; бабы, казалось, были между собою в ссоре и за что-то перебранивались. Поодаль в стороне темнел каким-то скучно-синеватым цветом сосновый лес. Даже самая погода весьма кстати прислужилась: день был не то ясный, не то мрачный, а какого-то светло-серого цвета, какой бывает только на старых мундирах гарнизонных солдат, этого, впрочем, мирного войска, но отчасти нетрезвого по воскресным дням. Для пополнения картины не было недостатка в петухе, предвозвестнике переменчивой погоды, который, несмотря на то что голова продолблена была до самого мозга носами других петухов по известным делам волокитства, горланил очень громко и даже похлопывал крыльями, обдёрганными, как старые рогожки. Подъезжая ко двору, Чичиков заметил на крыльце самого хозяина, который стоял в зелёном шалоновом сюртуке, приставив руку ко лбу в виде зонтика над глазами, чтобы рассмотреть получше подъезжавший экипаж. По мере того как бричка близилась к крыльцу, глаза его делались веселее и улыбка раздвигалась более и более». (С. 28-29)

«Мёртвые души» (12+)

«Чичиков кинул вскользь два взгляда: комната была обвешана старенькими полосатыми обоями; картины с какими-то птицами; между окон старинные маленькие зеркала с тёмными рамками в виде свернувшихся листьев; за всяким зеркалом заложены были или письмо, или старая колода карт, или чулок; стенные часы с нарисованными цветами на циферблате... невмочь было ничего более заметить». (С. 55)

«Мёртвые души» (12+)

«Деревня показалась ему довольно велика; два леса, берёзовый и сосновый, как два крыла, одно темнее, другое светлее, были у неё справа и слева; посреди виднелся деревянный дом с мезонином, красной крышей и тёмно-серыми или, лучше, дикими стенами, – дом вроде тех, как у нас строят для военных поселений и немецких колонистов. Было заметно, что при постройке его зодчий беспрестанно боролся со вкусом хозяина. Зодчий был педант и хотел симметрии, хозяин – удобства и, как видно, вследствие того заколотил на одной стороне все отвечающие окна и повертел на место их одно маленькое, вероятно понадобившееся для тёмного чулана. Фронтон тоже никак не пришёлся посреди дома, как ни бился архитектор, потому что хозяин приказал одну колонну сбоку выкинуть, и оттого очутилось не четыре колонны, как было назначено, а только три. Двор окружён был крепкою и непомерно толстою деревянною решёткой. Помещик, казалось, хлопотал много о прочности. На конюшни, сараи и кухни были употреблены полновесные и толстые брёвна, определённые на вековое стояние. Деревенские избы мужиков тож срублены были на диво: не было кирпичных стен, резных узоров и прочих затей, но всё было пригнано плотно и как следует. Даже колодец был обделан в такой крепкий дуб, какой идёт только на мельницы да на корабли. Словом, всё, на что ни глядел он, было упористо, без пошатки, в каком-то крепком и неуклюжем порядке. Подъезжая к крыльцу, заметил он выглянувшие из окна почти в одно время два лица: женское, в чепце, узкое, длинное, как огурец, и мужское, круглое, широкое, как молдаванские тыквы, называемые горлянками, из которых делают на Руси балалайки, двухструнные лёгкие балалайки, красу и потеху ухватливого двадцатилетнего парня, мигача и щёголя, и подмигивающего, и посвистывающего на белогрудых и белошейных девиц, собравшихся послушать его тихострунного треньканья. Выглянувши, оба лица в ту же минуту спрятались. На крыльцо вышел лакей в серой куртке с голубым стоячим воротником и ввёл Чичикова в сени, куда вышел уже сам хозяин. Увидев гостя, он сказал отрывисто: «Прошу!» – и повёл его во внутренние жилья». (С. 113-114)

«Мёртвые души» (12+)

«Частями стал выказываться господский дом и наконец глянул весь в том месте, где цепь изб прервалась и наместо их остался пустырьём огород или капустник, обнесённый низкою, местами изломанною городьбою. Каким-то

дряхлым инвалидом глядел сей странный замок, длинный, длинный непомерно.

Местами был он в один этаж, местами в два; на тёмной крыше, не везде надёжно защищавшей его старость, торчали два бельведера, один против другого, оба уже пошатнувшиеся, лишённые когда-то покрывавшей их краски. Стены дома ощеливали местами нагую штукатурную решётку и, как видно, много потерпели от всяких непогод, дождей, вихрей и осенних перемен. Из окон только два были открыты, прочие были заставлены ставнями или даже забиты досками. Эти два окна, с своей стороны, были тоже подслеповаты; на одном из них темнел наклеенный треугольник из синей сахарной бумаги.

Старый, обширный, тянувшийся позади дома сад, выходящий за село и потом пропадавший в поле, заросший и заглохлый, казалось, один освежал эту обширную деревню и один был вполне живописен в своём картинном опустении». (С. 136)

«Мёртвые души» (12+)

«Сделав один или два поворота, герой наш очутился наконец перед самым домом, который показался теперь ещё печальнее. Зелёная плеснь уже покрыла ветхое дерево на ограде и воротах. Толпа строений: людских, амбаров, погребов, видимо ветшавших, – наполняла двор; возле них направо и налево видны были ворота в другие двory. Всё говорило, что здесь когда-то хозяйство текло в обширном размере, и всё глядело ныне пасмурно. Ничего не заметно было оживляющего картину: ни отворявшихся дверей, ни выходявших откуда-нибудь людей, никаких живых хлопот и забот дома! Только одни главные ворота были растворены, и то потому, что въехал мужик с нагруженною телегою, покрытою рогожею, показавшийся как бы нарочно для оживления сего вымершего места; в другое время и они были заперты наглухо, ибо в железной петле висел замок-исполин». (С. 137)

«Мёртвые души» (12+)

«На одном столе стоял даже сломанный стул, и рядом с ним часы с остановившимся маятником, к которому паук уже приладил паутину. Тут же стоял прислоненный боком к стене шкаф с старинным серебром, графинчиками и китайским фарфором. На бюро, выложенном перламутною мозаикой, которая местами уже выпала и оставила после себя одни жёлтенькие желобки, наполненные клеем, лежало множество всякой всячины: куча исписанных мелко бумажек, накрытых мраморным позеленевшим прессом с яичком наверху, какая-то старинная книга в кожаном переплёте с красным обрезом, лимон, весь высохший, ростом не более лесного ореха, отломленная ручка кресел, рюмка с какою-то жидкостью и тремя мухами, накрытая письмом, кусочек сургучика, кусочек где-то поднятой тряпки, два пера, запачканные чернилами, высохшие, как в чахотке, зубочистка, совершенно пожелтевшая, которою хозяин, может быть, ковырял в зубах своих ещё до нашествия на Москву французов.

По стенам навешано было весьма тесно и бестолково несколько картин: длинный пожелтевший гравюр какого-то сражения, с огромными барабанами, кричащими солдатами в треугольных шляпах и тонущими конями, без стекла, вставленный в раму красного дерева с тоненькими бронзовыми полосками и бронзовыми же кружками по углам. В ряд с ними занимала полстены огромная почерневшая картина, писанная масляными красками, изображавшая цветы, фрукты, разрезанный арбуз, кабанью морду и висевшую головою вниз утку. С середины потолка висела люстра в холстинном мешке, от пыли сделавшаяся похожей на шёлковый кокон, в котором сидит червяк. В углу комнаты была навалена на полу куча того, что поглубже и что недостойно лежать на столах. Что именно находилось в куче, решить было трудно, ибо пыли на ней было в таком изобилии, что руки всякого касавшегося становились похожими на перчатки; заметнее прочего высывался оттуда отломленный кусок деревянной лопаты и старая подошва сапога. Никак бы нельзя было сказать, чтобы в комнате сей обитало живое существо, если бы не возвещал его пребывание старый, поношенный колпак, лежавший на столе». (С. 139-140)

«Мёртвые души» (12+)

34. Гончаров Иван Александрович

Образ усадьбы в романах И. А. Гончарова предстает как нечто отжившее, устаревшее.

Гончаров, И. А. Обрыв : роман / И. А. Гончаров. – Москва : Художественная литература, 1980. – 717 с. – (Библиотека классики. Русская литература). – Текст : непосредственный.

«Бабушка эта жила в родовом маленьком имении, доставшемся Борису от матери. Оно всё состояло из небольшой земли, лежащей вплоть у города, от которого отделялось полем и слободой близ Волги, из пятидесяти душ крестьян, да из двух домов – одного каменного, оставленного и запущенного, и другого деревянного домика, выстроенного его отцом, и в этом-то домике и жила Татьяна Марковна с двумя, тоже двоюродными, внучками-сиротами, девочками по седьмому и шестому году, оставленными ей двоюродной племянницей, которую она любила, как дочь». (С. 77)

«Обрыв» (12+)

«Перед окнами маленького домика пестрел на солнце большой цветник, из которого вела дверь во двор, а другая, стеклянная дверь, с большим балконом, вроде веранды, в деревянный жилой дом.

Татьяна Марковна любила видеть открытое место перед глазами, чтоб не походило на трущобу, чтоб было солнышко да пахло цветами.

С другой стороны дома, обращённой к дворам, ей было видно всё, что делается на большом дворе, в людской, в кухне, на сеновале, в конюшне, в погребках. Всё это было у ней перед глазами как на ладони.

Один только старый дом стоял в глубине двора, как бельмо в глазу, мрачный, почти всегда в тени, серый, полинявший, местами с забитыми окнами, с поросшим травой крыльцом, с тяжёлыми дверьми, замкнутыми тяжёлыми же задвижками, но прочно и массивно выстроенный. Зато на маленький домик с утра до вечера жарко лились лучи солнца, деревья отступили от него, чтоб дать ему простора и воздуха. Только цветник, как гирлянда, обвивал его со стороны сада, и махровые розы, далии и другие цветы так и просились в окна.

Около дома вились ласточки, свившие гнёзда на кровле; в саду и роще водились малиновки, иволги, чижи и щеглы, а по ночам щёлкали соловьи.

Двор был полон всякой домашней птицы, разношёрстных собак. Утром уходили в поле и возвращались к вечеру коровы и козёл с двумя подругами. Несколько лошадей стояли почти праздно в конюшнях.

Над цветами около дома реяли пчёлы, шмели, стрекозы, трепетали на солнышке крыльями бабочки, по уголкам жались, греясь на солнышке, кошки, котятка.

В доме какая радость и мир жили! Чего там не было? Комнатки маленькие, но уютные, с старинной, взятой из большого дома мебелью дедов, дядей, и с улыбавшимися портретами отца и матери Райского, и также родителей двух оставшихся на руках у Бережковой девочек-малюток.

Полы были выкрашены, натёрты воском и устланы клеёнками; печи обложены пёстрыми старинными, тоже взятыми из большого дома, изразцами. Шкафы битком набиты старой, дрожавшей от шагов, посудой и звеневшим серебром.

На виду красовались старинные саксонские чашки, пастушки, маркизы, китайские уродцы, бочкообразные чайники, сахарницы, тяжёлые ложки. Кругленькие стулья, с медными ободочками и с деревянной мозаикой столы, столики жались по уютным уголкам.

В кабинете Татьяны Марковны стояло старинное, тоже окованное бронзой и украшенное резьбой, бюро с зеркалом, с урнами, с лирами, с гениями.

Но бабушка завесила зеркало. «Мешает писать, когда видишь свою рожу напротив», – говорила она.

Ещё там был круглый стол, на котором она обедала, пила чай и кофе, да довольно жёсткое, обитое кожей старинное же кресло, с высокой спинкой рококо». (С. 78-79)

35. Гумилев Николай Степанович

Усадьбы, старинные дома, древние сады и парки в поэзии Н. С. Гумилёва угасают, рушатся – находятся в «тревожном» сне.

Гумилёв, Н. С. Старина / Н. С. Гумилёв. – Текст : электронный // РуСтих. – URL : <https://rustih.ru/nikolaj-gumilev-starina/> (дата обращения: 17.09.2020).

«Вот парк с пустынными опушками,
Где сонных трав печальна зыбь,
Где поздно вечером с лягушками
Перекликаться любит выпь.
Вот дом старинный и некрашенный,
В нём словно плавает туман,
В нём залы гулкие украшены
Изображением пейзажа.
Тревожный сон... Но сон о небе ли?
Нет! На высоком чердаке,
Как ряд скелетов, груда мебели
в пыли починут и тоске.
Мне суждено одну тоску нести,
Где дед раскладывал пасьянс
и где влюблялись тётки в юности
И танцевали контрданс.
И сердце мучится бездомное,
Что им владеет лишь одна
Такая скучная и тёмная,
Незолотая старина.
...Теперь бы кручи необорные,
Снега серебряных вершин
Да тучи сизые и чёрные
Над гулким грохотом лавин!»

«Старина» (12+)

36. Достоевский Фёдор Михайлович

Во многих своих произведениях Ф. М. Достоевский описывает своё родовое гнездо – усадьбу Даровое, в которой он провёл детские годы.

Достоевский, Ф. М. Дядюшкин сон / Ф. М. Достоевский. – Ленинград : Лениздат, 1982. – 446 с. – Текст : непосредственный.

«Десять часов утра. Мы в доме Марьи Александровны, на Большой улице, в той самой комнате, которую хозяйка, в торжественных случаях, называет своим салоном. У Марьи Александровны есть тоже и будуар. В этом салоне порядочно выкрашены полы и недурны выписные обои. В мебели, довольно неуклюжей, преобладает красный цвет. Есть камин, над камином зеркало, перед зеркалом бронзовые часы с каким-то амуrom, весьма дурного вкуса. Между окнами, в простенках, два зеркала, с которых успели уже снять

чехлы. Перед зеркалами, на столиках, опять часы. У задней стены – превосходный рояль, выписанный для Зины: Зина – музыкантша. Около затопленного камина расставлены кресла, по возможности, в живописном беспорядке; между ними маленький столик. На другом конце комнаты другой стол, накрытый скатертью ослепительной белизны; на нём кипит серебряный самовар и собран хорошенький чайный прибор. Самоваром и чаем заведует одна дама, проживающая у Марьи Александровны в качестве бедной родственницы, Настасья Петровна Зяблова». (С. 48)

«Дядюшкин сон» (16+)

37. Зайцев Борис Константинович

Произведения Б. К. Зайцева позволяют сделать немало тонких наблюдений о сущности дворянского усадебного быта. Изучение творчества писателя помогает расширить знания о роли дворянской усадьбы.

Зайцев, Б. К. Голубая звезда : рассказы, роман, повесть, главы из книги «Москва» / Б. К. Зайцев. – Тула : Приокское книжное издательство, 1989. – С.129-234. – Текст : непосредственный.

«На заре въехали в старую усадьбу, бывшую вотчину Годуновых, – уже смеркалось. Огромный деревянный дом казался мрачным; мебели было мало. В зале с поскрипывавшим паркетом, за круглым столом они ужинали при свечах. Свежие редиски с маслом казались вкусны; на свечи летели ночные бабочки, в углах было полутемно. Заря из тёмно-красной переходила в холодноватую мглу. Будто жутко стало Машуре – нежилое, ветхое надо обогреть, прежде чем станет своим». (С. 136)

«Голубая звезда» (12+)

38. Копыткин Сергей Александрович

Любовь к старине, старинным домам, заросшим прудам и паркам звучит в каждом стихотворении поэта.

Копыткин, С. А. Очерк Растрелли / С. А. Копыткин. – Текст : электронный // BibRa.ru.Библиотека российских авторов – URL : <https://bibra.ru/composition/ocherk-rastrelli/> (дата обращения: 16.09.2020).

«Я люблю этот ветхо-богатый
Опустелый помещичий дом,
Окружённый гирляндой статуй,
Отражённый зелёным прудом.
Я люблю этот очерк Растрелли,
Эту белую сказку колонн,
Эти старые дубы и ели
И ночной золотой небосклон.

Я люблю его призрачный голос,
Эхо жизни, которая в нём
Расцветала, мечтала, боролась,
Загоралась сердечным огнём....
Я люблю эти прошлые лица
На отцветшем слепом полотне.
Клавикорды в уютных светлицах,
Знак киота в углу на стене.
Я люблю это таинство рода,
Дух семьи, продолжающей жить;
Заставляющий сердце народа
С красотою былою дружить.
Как подснежник и лунные чары,
Как легенд переписанный том
Я люблю этот милый и старый,
Этот белый помещичий дом».

«Очерк Растрелли» (12+)

39. Лесков Николай Семёнович

Дом у Н. С. Лескова – наделённое душой пространство.
Это то место, что помогает поддерживать творческую силу жизни.

Лесков, Н. С. На ножах / Н. С. Лесков. – Текст : непосредственный // Лесков, Н. С. Собр. соч. : в 12 т. Т.8. / Н. С. Лесков. – Москва : Правда, 1989. – 479 с. – (Библиотека «Огонёк»).

«В губернском городе N есть довольно большой деревянный дом, принадлежащий господам Висленевым, Иосафу Платоновичу, человеку лет тридцати пяти, и сестре его, Ларисе Платоновне, девушке по двадцатому году. Дом этот, просторный и барский, был бы вовсе бездоходен, если б его владельцы захотели жить в нём, не стесняясь. В нём девять комнат, по старорусскому дворянскому обычаю расположенных так, что двум семействам в них никак разместиться невозможно. Родители нынешних владельцев строили дом для себя и не предвидели никакой нужды извлекать из него какие бы то ни было доходы, а потому и планировали его, что называется, по своей фантазии. Старикам не было и нужды стеснять себя, потому что у них по старине были хорошие доходы с доходного места. При известной беспечности, вообще свойственной русской натуре, доходам этим не предвиделось конца, а он вдруг и пришёл: старик Платон Висленев, советник одной из губернских палат, лёг однажды спать и не проснулся. Вдова его нашла в бюро мужа очень небольшую сумму денег и получила тоже очень небольшой пенсион. Всем этим прожить было невозможно, тем более, что приходилось воспитывать нынешних владельцев дома, Иосафа Платоновича, бывшего тогда в шестом классе гимназии, и Ларису Платоновну, оставшуюся в совершенном малолетстве. Дом надо было сделать из бездоходного

доходным. С этой целью вдова Висленева построила во дворе, окнами в сад, флигелёк в пять небольших комнат, и сама с детьми поселилась в этом флигельке, а большой дом начала отдавать внаймы. С этих пор доходы её стали таковы, что она могла содержать сына в гимназии, а потом и в университете, а дочь добрые люди помогли устроить в институт на казённый счёт». (С. 99)

«На ножах» (16+)

«Во флигеле, построенном в глубине двора Висленевых и выходящем одною стороною в старый, густой сад, оканчивающийся крутым обрывом над Окою, живёт сама собственница дома, Лариса Платоновна Висленева, сестра знакомого нам Иосафа Платоновича Висленева, от которого так отступнически отреклась Александра Ивановна. Флигель построен с большим комфортом. По довольно высокому крыльцу, равному высоте нижнего полуэтажа, вы входите в светлые, но очень тесные сени, в которых только что можно поворотиться. Отсюда дверь в переднюю, тоже очень чистую, с двумя окнами на двор; из передней налево большая комната с двумя окнами в одной стене и с итальянским окном в другой. Эта комната называется «Жозефов кабинет». Несмотря на то, что Иосаф Платонович здесь давно не живёт, комната его сохраняет обстановку кабинета человека хотя небогатого, но и не бедного. Мягкие диваны кругом трёх стен, два шкафа с книгами; большой письменный стол, покрытый зелёным сукном с кистями по углам, хорошие шторы на окнах, тяжёлые занавесы на дверях. По стенам висят несколько гравюр и литографий, между которыми самое видное место занимают Ревекка с овцами у колодца; Лаван, обыскивающий походный шатёр Рахили, укравшей его богов, и пара замечательных по своей красоте и статности лошадей в английских сёдлах; на одной сидит жокей, другая идёт в поводу, без седока. Обе лошади в своём роде совершенство: на них нельзя не заглядеться после горбатых верблюдов, дремлющих на библейских картинах. Опененные губы первого коня показывают, что он грызёт и сжимает железо удила, но идёт мирно и тихо, потому что знает власть и силу узды, но другой конь... О, ему опыт ещё незнаком. Но это сказочный конь, которому только нужно прикосновение руки сказочного же царевича, и вихрь-конь взвьётся выше леса стоячего.

Чтобы покончить описание кабинета отсутствующего хозяина, должно ещё упомянуть о двух вещах, помещающихся в белой кафельной нише, на камине: здесь стоит высокая чайная чашка, с массивною позолотою и с портретом гвардейского полковника, в мундире тридцатых годов, и почерневшие бронзовые часы со стрелкою, остановившеюся на пятидесяти шести минутах двенадцатого часа.

На этой чашке портрет отца нынешних владельцев дома, Платона Висленева, а часовая стрелка стоит на моменте его смерти. С тех пор часы эти не идут в течение целых восемнадцати лет.

Вторая комната – небольшой зал, с окнами, выходящими в сад, и стеклянною дверью, ведущею на террасу, с которой широкими ступенями сходят в сад. Убранство комнаты не зальное и не гостинное, а и то и другое

вместе. Здесь есть и мягкая мебель, и буковые стулья, и зеркало, и рояль, заваленная нотами. Из залы двери ведут в столовую и в спальню Ларисы. Спальня Ларисы тех же размеров, как и кабинет её брата. Здесь также два окна в одной стене и одно широкое, тройное, «итальянское» окно в другой. Все эти окна выходят в сад: два справа затенены густою зеленью лип, а над итальянским окном, пред которым расчищена разбитая на клумбы площадка, повешена широкая белая маркиза с красными прошвами. Таким образом в комнату открыт доступ аромату цветов и удалены палящие лучи солнца, извлекающие благоухание из резеды, левкоев и гелиотропов. Мебель обита светлым ситцем, которым драпированы и двери, и окна. Кровать заменена диваном с подъёмною подушкой, пред диваном у изголовья небольшой круглый столик, в стороне две этажерки с книгами». (С. 114-115)

«На ножах» (16+)

40. Лукашевич Клавдия Владимировна

Произведения К. В. Лукашевич проникнуты любовью к старине. Писательница с проникновением говорит о старом деревянном доме, где провела «счастливые дни» своего детства.

Лукашевич, К. В. Моё милое детство / К. В. Лукашевич. – Текст : электронный // ЛИТМИР. – URL : <https://www.litmir.me/br/?b=161749&p=1> (дата обращения: 15.09.2020).

«Вон – вдали виднеется и милый серый двухэтажный деревянный домик с зелёной крышей и зелёными ставнями. При виде его так трепетно и радостно забьётся сердце. Там протекли счастливые дни нашего детства. Там научились мы хорошему. Жизнь в стенах этого домика представлялась нам раем.

С тех пор я люблю маленькие деревянные дома, окрашенные в серую краску, и непременно с зелёными крышами. Я всегда мечтала под старость иметь такой домик».

«Моё милое детство» (12+)

«Мы шли на двор. Что это был за дворик! Наверно, ни у кого никогда не было такого. Он всецело принадлежал к квартире бабушки.

Это было пространство в пять сажен в квадрате.

Справа деревянный навес. Под навесом лежали дрова и стоял большой сундук. Это была кладовая бабушки. Там хранилась провизия. И под навесом же были сделаны бабушкой для нас качели. Как весело и приятно было на них покачиваться. Это удовольствие мы получали только у бабушки.

Посредине двора красовалась большая клумба. И каких только цветов ни сажал бабушка... Летом эта клумба представляла из себя огромный душистый букет. Около забора, который выходил на улицу, росли две кудрявые берёзки. С другой стороны, около хозяйского сада, росла рябина и стояла высокая жердь. На верху этой жерди висела клетка для ловли птиц.

Клетку эту можно было поднимать и опускать при помощи особенного блока и верёвки. Как радовались мы, когда, бывало, дедушка на наших глазах вынимал из этой клетки новую птичку. Мы тогда не понимали, что «воля птице дороже золочёной клетки».

Однако я отвлеклась и забыла о дворике... По краям, у самого забора, тянулась грядка. Она засевалась укропом, салатом и редиской. А между ними росли мак и подсолнечники. Когда они цвели, это было красиво и так оживляло всю грядку. Головки мака и созревшие подсолнечники поступали в полное наше распоряжение.

К дому со двора вело крыльцо из пяти ступенек. Над крыльцом, на колоннах, был большой балкон. Он принадлежал хозяевам».

«Моё милое детство» (12+)

«Домик этот деревянный, двухэтажный, вокруг него расстилался большой сад. Как дорог и памятен мне этот домик!»

«Моё милое детство» (12+)

«В зале стояли два дивана, обитых цветным ситцем. У окон красовался длинный чёрный стол. В праздники на этом столе обедали, а после обеда крышку поднимали и на внутренней стороне устраивали игру «бикс». Хорошо я не помню, в чём она заключалась. Помню, что поднималась покатая доска, на ней были лунки и ворота с колокольчиками и отделения с цифрами. Надо было специальной длинной палочкой – кием ударять в шар и попадать через ворота в лунки или в отделения с цифрами. В детстве я умела и любила играть в «бикс», но теперь забыла.

Все стены залы были увешаны картинами. Дедушка их сам писал, сам делал незатейливые рамы из дерева, из бумаги, даже из еловых шишек».

«Моё милое детство» (12+)

«Кабинет был небольшая узкая комната; единственное его окно выходило на улицу. Зимнюю раму этого окна дедушка выставлял очень рано, ещё до Пасхи. И если он сидел у окна, то перед ним непременно толпились мальчуганы – его «босоногая команда».

Перед окном стояло высокое кожаное кресло. Сбоку – мольберт с начатой картиной. Письменный стол, кожаный диван, на котором спал дедушка, несколько кожаных стульев, высокая этажерка и таинственное бюро с бронзовыми украшениями.

Это бюро занимало полкомнаты. Одна из крышек его откидывалась и получался письменный стол. А внутри было множество ящиков, отделений и полок. И чего-чего там только не было! Так же, как и на стенках кабинета. Все стены его увешаны были картинами, старинным оружием и всякими другими мелочами.

В бюро же у дедушки были разные книги, краски, рисунки, инструменты, были старинные монеты. Была спрятана и родословная, которую он с гордостью показывал нам.

Вынимая большой лист пожелтевшего пергамента, дедушка указывал на рисунок:

– Вот это наш род Горбуновых... Он очень древний дворянский и в шестой книге записан. Это родословное дерево».

«Моё милое детство» (12+)

41. Набоков Владимир Владимирович

Волшебный мир старинной дворянской усадьбы с тенистыми аллеями стал у В. В. Набокова символом потерянной Родины и нашёл отражение во многих его произведениях.

Набоков, В. В. Глаза прикрою... / В. В. Набоков. – Текст : электронный // Poesias.ru. – URL : <http://poesias.ru/rus-stihi/stihi-nabokov/stihi-nabokov10070.shtml> (дата обращения: 15.09.2020).

«Глаза прикрою – и мгновенно,
весь лёгкий, звонкий весь, стою
опять в гостиной незабвенной,
в усадьбе, у себя, в раю.
И вот у зеркала косо
под лепетанье хрусталей
глядят фарфоровые совы –
пенаты юности моей.
И вот над полками гортензий
легчайшая голубизна,
и солнца луч, как Божий вензель,
на венском стуле, у окна.
По потолку гудит досада
двух заплутавшихся шмелей,
и веет свежестью из сада,
из глубины густых аллей.
Неизъяснимой веет смесью
еловой, липовой, грибной:
там, по сырому пострелять, –
свист, щебетанье, гам цветной!
А дальше – сон речных извилин
И сенокоса тонкий мёд.
Стой, стой, виденье! Но бессилен
Мой детский возглас. Жизнь идёт.
С размаху небеса ломая,
Идёт... ах, если бы навек
остаться так, не разжимая
росистых и блаженных век!»

42. Пастернак Борис Леонидович

В литературных усадьбах, описанных Б. Л. Пастернаком, царят нега, трепет, тишина.

Пастернак, Б. Доктор Живаго / Б. Пастернак. – Санкт-Петербург : Кристалл, 2001. – 543 с. – Текст : непосредственный.

«Иван Иванович на правах приятельства занимал у богача Кологривова две комнаты во флигеле управляющего. Этот домик с примыкающим к нему палисадником находился в чёрной, запущенной части парка со старой полукруглою аллеей въезда. Аллея густо заросла травой. По ней теперь не было движения, и только возили землю и строительный мусор в овраг, служивший местом сухих свалок. Человек передовых взглядов и миллионер, сочувствовавший революции, сам Кологривов с женою находился в настоящее время за границей. В имении жили только его дочери Надя и Липа с воспитательницей и небольшим штатом прислуги». (С. 10-11)

«Доктор Живаго» (16+)

43. Пушкин Александр Сергеевич

В творчестве Пушкина в разнообразных воплощениях представлена духовная сущность усадьбы: изображение усадебных строений, садов, бытовых предметов, взаимоотношений господ и дворовых, разных поколений семьи владельца. Изображая эти составляющие, поэт показывает, что усадьба – это не просто мечта об одиночестве, спокойствии, творчестве, а жизнь среди близких и родных душ, понимание родовой связи предков и потомков как основы достоинства человека, как условие жизни в мире.

Пушкин, А. С. Барышня-крестьянка / А. С. Пушкин. – Текст : непосредственный // Пушкин, А. С. Повести Белкина. Пиковая дама : повести / А. С. Пушкин. – Москва : Детская литература, 2002. – С. 100-126. – (Школьная библиотека).

«В одной из отдалённых наших губерний находилось имение Ивана Петровича Берестова. В молодости своей служил он в гвардии, вышел в отставку в начале 1797 года, уехал в свою деревню и с тех пор оттуда не выезжал. Он был женат на бедной дворянке, которая умерла в родах, в то время как он находился в отъезде в поле. Хозяйственные упражнения скоро его утешили. Он выстроил дом по собственному плану, завёл у себя суконную фабрику, утроил доходы и стал почитать себя умнейшим человеком во всём околотке, в чём и не прекословили ему соседи, приезжавшие к нему гостить с своими семействами и собаками. В будни ходил он в плисовой куртке, по

праздникам надевал сертук из сукна домашней работы; сам записывал расход и ничего не читал, кроме «Сенатских Ведомостей». Вообще его любили, хотя и почитали гордым. Не ладил с ним один Григорий Иванович Муромский, ближайший его сосед. Этот был настоящий русский барин. Промотав в Москве большую часть имения своего и на ту пору овдовев, уехал он в последнюю свою деревню, где продолжал проказничать, но уже в новом роде. Развёл он английский сад, на который тратил почти все остальные доходы. Конюхи его были одеты английскими жокеями. У дочери его была мадам англичанка. Поля свои обрабатывал он по английской методе». (С. 100-101)

«Барышня-крестьянка» (12+)

Пушкин, А. С. Дубровский / А. С. Пушкин. – Текст : непосредственный // Пушкин, А. С. Дубровский. Капитанская дочка : романы / А. С. Пушкин. – Москва : Детская литература, 2002. – С.113-234. – (Школьная библиотека).

«Два дня спустя после сего посещения Кирила Петрович отправился с дочерью в гости к князю Верейскому. Подъезжая к Арбатову, он не мог не любоваться чистыми и весёлыми избами крестьян и каменным господским домом, выстроенным во вкусе английских замков. Перед домом расстилался густо-зелёный луг, на коем паслись швейцарские коровы, звеня своими колокольчиками. Просторный парк окружал дом со всех сторон. Хозяин встретил гостей у крыльца и подал руку молодой красавице. Они вошли в великолепную залу, где стол был накрыт на три прибора. Князь подвёл гостей к окну, и им открылся прелестный вид. Волга протекала перед окнами, по ней шли нагруженные барки под натянутыми парусами и мелькали рыбацьи лодки, столь выразительно прозванные душегубками. За рекою тянулись холмы и поля, несколько деревень оживляли окрестность. Потом они занялись рассмотрением галереи картин, купленных князем в чужих краях. Князь объяснял Марье Кириловне их различное содержание, историю живописцев, указывал на достоинства и недостатки. Он говорил о картинах не на условленном языке педантического знатока, но с чувством и воображением. Марья Кириловна слушала его с удовольствием. Пошли за стол. Троекуров отдал полную справедливость винам своего Амфитриона и искусству его повара, а Марья Кириловна не чувствовала ни малейшего замешательства или принуждения в беседе с человеком, которого видела она только во второй раз отроду». (С. 91-92)

«Дубровский» (12+)

Пушкин, А. С. Евгений Онегин : роман в стихах / А. С. Пушкин. – Москва : Детская литература, 1999. – 207 с. – (Школьная библиотека). – Текст : непосредственный.

«Деревня, где скучал Евгений,

Была прелестный уголок;
Там друг невинных наслаждений
Благословить бы небо мог.
Господский дом уединённый,
Горой от ветров ограждённый,
Стоял над речкою. Вдали
Пред ним пестрели и цвели
Луга и нивы золотые,
Мелькали сёлы; здесь и там
Стада бродили по лугам,
И сени расширял густые
Огромный, запущенный сад,
Приют задумчивых дриад». (С. 32)

«Евгений Онегин» (12+)

«Почтенный замок был построен,
Как замки строиться должны:
Отменно прочен и спокоен
Во вкусе умной старины.
Везде высокие покои,
В гостиной штофные обои,
Царей портреты на стенах,
И печи в пёстрых изразцах.
Всё это ныне обветшало,
Не знаю, право, почему;
Да, впрочем, другу моему
В том нужды было очень мало,
Затем, что он равно зевал
Средь модных и старинных зал.
Он в том покое поселился,
Где деревенский старожил
Лет сорок с ключницей бранился,
В окно смотрел и мух давил.
Всё было просто: пол дубовый,
Два шкафа, стол, диван пуховый,
Нигде ни пятнышка чернил.
Онегин шкафы отворил;
В одном нашёл тетрадь расхода,
В другом наливки целый строй,
Кувшины с яблочной водой
И календарь осьмого года:
Старик, имея много дел,
В иные книги не глядел». (С. 33)

«Евгений Онегин» (12+)

44. Романов Пантелеймон Сергеевич

Параллельно с жизнью крестьян П. С. Романов пишет жизнь дворянских усадеб. Дворянскую усадьбу он идеализирует. Много внимания в произведениях уделяет описанию старинного интерьера, мебели, портретов, балов, карточных игр, охоты, рыбалки.

Роман, П. С. Детство / П. С. Романов. – Текст : электронный // Lib.ru. – URL : http://az.lib.ru/r/romanow_p_s/text_0680.shtml (дата обращения: 15.09.2020).

«Но пока ещё не хочется в дом; бродишь по пустым, засоренным дорожкам в саду, ищешь на дереве забытое, неснятое яблоко, которое кажется вкуснее тех, что лежат в подвале на свежей соломе. Ходишь, к чему-то прислушиваешься и всё осматриваешь, как будто в последний раз. В березнике – пустые, покинутые гнёзда грачей, в цветнике – поломанные намокшие цветы и не высыхающая весь день роса».

«Детство» (16+)

«Вокруг овального преддиванного стола чинно стоят полукругом мягкие кресла в парусиновых чехлах, из-под которых виднеются внизу медные колёсики. Когда большие сидят вечером, занявшись разговором, за креслами хорошо бывает затеять игру в прятки.

Направо от дивана, в углу – камин; он уже давно не топится, и туда кладут всякие пустые коробки, веревочки от покупок, если только дядюшка не успел подобрать их себе.

В доме у всех есть свои любимые места, в особенности зимой. Крёстная всегда обыкновенно сидит на диване за столом, накинув для тепла на плечи большой платок, и раскладывает пасьянс. Мать сбоку стола в кресле вяжет чулок, с котом на коленях. Дядюшка у печки в своём кресле.

Для нас самое приятное – пристроиться сбоку крёстной на уголке диванного стола и на его гладкой поверхности смотреть картинки в старых журналах, которые уже давно знаешь наизусть. А то просто разляжемся на полу и подрисовываем на картинках всем лошадям дуги, мужчинам – усы.

Другие комнаты, когда дома нет молодежи, – не освещаются. В большой зал с его высокими зеркалами и тёмными по вечерам углами мы боимся даже заглядывать. Только иногда пойдём с Катей к дверям, осторожно раздвинем портьеру и с замиранием сердца смотрим туда. В зеркалах жутко отражается свет из гостиной, как призраки с лампами стоят в полумраке цветы и высываются в полосу света, падающего из гостиной.

В углу, за цветами, стоит наше любимое большое кресло, в котором мы свободно усаживаемся вдвоём с Катей. Но сидеть по вечерам одним здесь страшно, так как всегда кажется, что сзади в тёмном углу стоит кто-то.

В зале бывает хорошо, когда Таня принесёт лампу из передней, и мы на просторе затеем беготню или начнём кружиться до тех пор, пока в глазах не завертятся пол и потолок.

В передней, где стоят вешалки с шубами и нянькин сундук, по вечерам тоже страшно. И если нужно пройти через неё в спальню, – пробегаем зажмурившись.

Ещё любимое место – в столовой за чайным столом. Бывало, пролезешь туда по расстроенным пружинам, за спиной матери к окну, станешь коленями на край дивана и рассматриваешь своё лицо в самоваре, навалившись животом и локтями на стол, пока не велят сесть как следует.

Впрочем, есть ещё одно местечко – в углу за буфетом, куда на шишечку отдушника вешается чайное полотенце. Здесь мы обыкновенно сидим, когда захочется помечтать. Но чаще прибегаем сюда во всех несчастных случаях жизни.

Однако лучше всего всё-таки в гостиной.

Здесь всё знаешь и любишь до последней мелочи: и знакомый полукруг кресел, и какой-то особенно приятный запах, должно быть, от старинного красного дерева, который всегда держится в гостиной, и даже отдушники на камине с оборванными медными цепочками. Откроешь половинки его железных дверей и роешься, пересматривая все коробочки и ящички».

«Детство» (16+)

Романов, П. С. Русь / П. С. Романов. – Текст : электронный // ЛИТМИР. – URL : <https://www.litmir.me/br/?b=136658&p=1> (дата обращения: 17.09.2020).

«Среди изрезанных, тощих, покрытых рвами и промоинами мужицких полей расстилались просторные помещицьи поля с лесами и заливными лугами, с мельницами, усадьбами и рощами.

Разбросанные на необозримых пространствах усадьбы прятались в берёзовых рощах и липовых парках, облепленных грачиными гнёздами. И когда какой-нибудь захудалый помещик, в тарантасе, на тройке разномастных лошадей, поднимался в гору по большой дороге и, защитив глаза от солнца, оглядывался назад, – в ярком утреннем солнце и синеющем тумане то там, то здесь виднелись блеснувшая стеклянная вышка, белые колонны дома сквозь зелень деревьев. А над рекой по обрыву спускалась уступами полуразвалившаяся ограда.

Большие усадьбы свободно раскидывались со своими службами, каменными строениями, парками где-нибудь на высоком месте, откуда через реку далеко, без конца виднелись заливные луга, распаханное поле и деревни. В этих усадьбах шумно и широко проводились все праздники, в больших с колоннами залах накрывались столы на пятьдесят и больше человек.

И бывало, зимними праздничными вечерами, когда румяная морозная заря гасла за опушенными инеем деревьями, а снежные поля холодно лиловели в тумане, к подъезду с колоннами подъезжали одни за другими сани

тройками, с засыпанными морозной пылью шубами седоков. Длинный ряд окон по фасаду загорался ранними огнями и светился всю ночь до позднего зимнего рассвета, когда лошади гостей давно уже поданы и кучера, похлопывая рукавицей об рукавицу, прохаживались в тёплых валенках около саней и поглядывали на верхние окна, где уже отражалась утренняя заря, холодно розовея в морозных узорах».

«Русь» (16+)

«Чуть не на каждых пяти верстах, по большим и просёлочным дорогам, где-нибудь на горе с белой убогой церковью, были разбросаны средней руки усадьбы с просторными старинными домами, видевшими в своих стенах несколько поколений, со старыми, потрескавшимися печами, низкими тёплыми комнатами, удобными дедовскими креслами и мягкими кружками домашней работы на стульях.

В тепло натопленных уютных комнатах этих усадеб весело, ещё по-старинному, проводились святки с ряжением и гаданьем, с ночными катаньями по скрипучему снегу в крещенский мороз, когда занесённые снегом поля искрятся и сверкают на месяце пухлой холодной пеленой.

В этих усадьбах хоть и не бывало больших приёмов, но всегда каждого гостя встречали радушные, улыбающиеся лица хозяев. А в столовой его ждал жирный обед с дымящимся под салфеткой пирогом и целый строй домашних наливок, которые приберегаются для таких случаев на длинных полках в холодной кладовой. Запивши ими обильный деревенский обед, хорошо бывает сесть в сани и ехать по однообразной унылой зимней дороге, ощущая во всём теле приятную струящуюся теплоту.

Здесь жили по старине. Плотно и хорошо ели в осенний мясоед, весело проводили масленицу блинами со сметками и навагой. Смирненно говели в великий пост. На божничках, установленных целыми рядами старинных родовых икон в потемневших ризах, всегда стояли из года в год хранившиеся пузырьки с маслом и святой водой. И виднелся засунутый за икону берёзовый веничек-кропильник, употреблявшийся при водосвятнях. Строго блюли народные обычаи старины, принимали иконы на дом, в тяжких болезнях соборовались и целыми поколениями росли и умирали в одном и том же доме.

И каждый сосед – ближайший или дальний – даже и теперь, возвращаясь из города и видя от большой дороги какую-нибудь знакомую зелёную крышу, непременно поворачивал лошадь через плотину пруда с купальней. Миновав ледники и погреба с широкими, низкими, ушедшими в землю дверками, гость подъезжал к старому большому дому с сиренью под открытыми окнами и кустами жасмина. И сначала оставался ужинать нарочно пойманными для этого в пруде карасями, а потом все, обступив гостя со всех сторон, уговаривали и оставаться ночевать.

В таком доме, с его не освещённым по вечерам залом, с тёплыми полутёмными коридорами и деревянными лестницами, каждый приезжий чувствовал себя необыкновенно хорошо. А ложась спать в отведённой ему низкой комнате со старинными портретами, всегда находил открытую свежую

постель с только что смененным бельём и зажжённую свечу с книгой на ночном столике; если же это бывало у Сомовых в Отраде, – то целую вазу яблок, кусок холодной телятины и бутылку красного вина. В том расчёте, что гость ещё не скоро уляжется после ужина и возможно, что ночью захочет покушать».

«Русь» (16+)

«Каждая из этих усадеб имела какую-нибудь свою прелесть, какой не имела другая. В одной были гостеприимные старички, куда гость приезжал, как к себе домой. В другой – целый выводок молодежи, с её романами летними и зимними, в аллеях парка или в уединённых переходах на площадках тёплой лестницы, где обыкновенно одиноко горит на точёном столбике стенная лампа с матовым абажуром.

И в каждой семье были свои традиции, которые сохранялись из века в век, как неотъемлемая принадлежность дома.

А там шли мелкопоместные, затерявшиеся в полях или притаившиеся в уголку под лесом. И нигде нельзя было так хорошо поохотиться, а после охоты выпить и закусить, как на этих маленьких хуторках, где обыкновенно идёт своя холостая жизнь с целодневным курением трубки у окна за самоваром, с бесконечными разговорами об охоте с заехавшим приятелем.

И когда одного такого занесёт попутный ветер, то сейчас же со стола уносится потухший самовар, из подвала приносятся пока что свежие отпотевшие с холода яблоки, а там сооружается закуска и достаются из пыльной горки разные графинчики с гранёными стеклянными пробками».

«Русь» (16+)

«Хозяин усадьбы ещё спал в своём кабинете на широком диване с ковровыми валиками. Он лежал, покрывшись с головой простыней от мух. А кругом него, – на стульях, на полу, даже на письменном столе, – в каком-то вихревом состоянии валялись разбросанные части его туалета. Один сапог лежал далеко посредине пола, очевидно, он трудно снимался и был пущен туда в раздражении, а другой выглядывал из-под дивана.

Круглые часы, на противоположной от дивана стене, пробили девять».

«Русь» (16+)

«Старый, екатерининских времён, дом Левашёвых в два этажа, с колоннами по фасаду и огромным слуховым окном над каменным фронтоном, имел какой-то особенно радушный вид. И гости, в особенности в зимние сумерки, подъезжая к усадьбе и завидев издали ряд мелькающих за деревьями огней, невольно чувствовали некоторое нетерпение и желание поскорее миновать деревню с её занесёнными снегом избами и въехать в старинные каменные ворота.

А когда останавливались у подъезда и входили в обширные освещённые сени со старинными печами и вешалками с шубами, то у всех бывало приподнятое, праздничное ощущение при виде тесной нарядной толпы

раздевающихся у вешалок гостей и при звуках доносившейся сверху музыки; это чувство ещё более увеличивалось, когда поднимались наверх по широкой белой лестнице с торжественно зажжёнными лампами на площадке перед большим зеркалом, где лестница разделялась на две стороны».

«Русь» (16+)

45. Садовской Борис Александрович

Дворянская усадьба (княжеская) в повести Б. А. Садовского носит поэтическое название «Лебяжье». Она очень красива и величественна.

Садовской, Б. А. Лебединые клики / Б. А. Садовской. – Текст : электронный // Садовской Борис Александрович. Поэт, писатель и литературовед Серебряного века. Поэзия и проза – критик Символистов / Б. А. Садовской. – URL : <http://www.sadovskoi.ru/prose/lebedinye-kliki.html> (дата обращения: 17.09.2020).

«А уж впереди на склоне встал, как нарисованный, княжеский дворец. Белая его громада с круглым куполом и тремя рядами окон благовольтельно взирала перед собой. От главного, большого дворца, простершись направо и налево, стройными колоннадами воздымались два малых. Парк притаился позади чёрной нависшей тучей.

– Нет, надо тебе поступить на службу. Тогда всё само придёт. Да иначе и жить нельзя. Без дела у нас помрёшь со скуки. Ты на парижских-то приятелей не смотри. Пусть их там языком молотят да стишки мечут, как рыба икру, тебе на них глядеть нечего.

За дворцом блеснули пруды, огромные, как озёра. С дороги водная равнина казалась зеркальным морем.

Усталая четверня вылетела с дороги на мягкий стриженный луг, проскакала в тяжёлые ворота с двумя бронзовыми кентаврами на мраморных столбах и, шарахнувшись слегка от белого огромного Аполлона, простиравшего навстречу приезжим победную руку, подкатила коляску к среднему из пяти подъездов, осенённому высоко сиявшим гербом с изображением лебедя под княжеской короной, держащего в клюве солнце.

Ряд ливрейных лакеев в красных кафтанах, чулках и башмаках выстроились полукругом, низко склоняя напудренные головы. К генералу приблизился с поклоном огромного роста пожилой красавец в синем фраке с гербовыми пуговицами и в пышном жабо».

«Лебединые клики» (16+)

«Ровные, лиловым бархатом обтянутые ступени подымались из вестибюля между двух исполинских мраморных колонн; длинный ряд их приводил к четырёхугольной площадке со статуей богини Гигии, белевшей в стенной нише; с площадки этой лестница, раздвоясь, звала наверх. По два

золочёных бронзовых канделябра возвышалось на каждом повороте; с лепного потолка спускалась гигантская многосвечная люстра. Миновав лестницу, гости увидели себя в зелёной приёмной комнате; отсюда через проходную столовую египетского стиля очутились они в малиновой гостиной.

Здесь все двери, карнизы и амбразуры окон изукрашены были восхитительной резьбой. Гирлянды цветочные разбрасывали далеко вьющиеся побеги; букеты чередовались с листьями аканфа, и переплетались, сияя жаркой червонной позолотой, причудливые фигуры виноградных кистей и лоз. На огромном, во всю стену, портрете императрица Екатерина Великая скипетром в простёртой деснице указывала на курившийся перед ней алтарь».

«Лебединые клики» (16+)

«Необозримыми анфиладами устремлялись покои, сохраняя в самом разнообразии своём благородное единство. В громадном двусветном зале, куда в предшестве хозяйки вошли гости, у мраморных стен литая из золота мебель возвышалась скромно и незаметно; вдоль лепных карнизов, почти под потолком, врезаны были живописные медальоны с портретами всех государей земли русской, от варяжского князя Рюрика до государыни Екатерины. Во дворце было несколько изображений великой императрицы на мраморе и полотне: покойный свекор княгини Зенеиды, старый вельможа и сподвижник Румянцева, обожал Фелицу. Именно здесь, в парадном зале, на потолке написана была Екатерина во образе Минервы: в шлеме и с копьём восседала она на облаке, окружённая гениями и богами; у ног её орёл метал огненными перунами в поверженных турок. Далее, в малой гостиной, где вокруг малахитовых столов чудесной работы располагались пальмовые стулья со спинками в виде лир, высилась из мрамора высеченная статуя Екатерины в римской тоге. Тем страннее было видеть в гостиной грубыми гвоздями приколотенные к косякам старые грязные подковы – памятник суеверий князя. Его же большой портрет, усмехаясь злорадно, шурился со стены.

В столовой гостей ожидала у приготовленного стола пудренная челядь, и с горделивой важностью взирал перед собой, став у резного буфета, задумчиво-величавый Скворцалупов. Сергей не мог наглядеться на мощного красавца, в каждом движении коего как бы помимо воли сквозило благородство: словно не слуга стоял перед ним, а переряженный в слуги рыцарь, облечённый к тому же всеильной властью. Тени нельзя приметить было в приёмах Скворцалупова услужливости или раболепства; казалось, с самою княгиней обращается он, как равный».

«Лебединые клики» (16+)

46. Салтыков-Щедрин Михаил Евграфович

Салтыков-Щедрин срывает традиционный поэтический покров с помещичьего «гнезда», безжалостно разрушая и читательский стереотип,

сложившийся на основе произведений «дворянской» литературы, и иллюзии своих героев.

Салтыков-Щедрин, М. Е. Господа Головлёвы : роман / М. Е. Салтыков-Щедрин. – Москва : Детская литература, 2002. – 336 с. – (Школьная библиотека). – Текст : непосредственный.

«С усиленную ревностью принялась Арина Петровна за прерванные хозяйственные занятия; притихла стукотня поварских ножей на кухне, но зато удвоилась деятельность в конторе, в амбарах, кладовых, погребах и т. д. Лето-припасуха приближалось к концу; шло варенье, соленье, приготовление впрок; отовсюду стекались запасы на зиму, из всех вотчин возами привозилась бабья натуральная повинность: сушёные грибы, ягоды, яйца, овощи и проч. Всё это мерялось, принималось и присовокуплялось к запасам прежних годов. Недаром у головлевской барыни была выстроена целая линия погребов, кладовых и амбаров; все они были полным-полнёхоньки, и немало было в них порченого материала, к которому приступить нельзя было, ради гнилого запаха. Весь этот материал сортировался к концу лета, и та часть его, которая оказывалась ненадёжною, сдавалась в застольную». (С. 60-61)

«Господа Головлёвы» (12+)

«Жаркий июльский полдень. На дубровинской барской усадьбе словно всё вымерло. Не только досужие, но и рабочие люди разбрелись по углам и улеглись в тень. Собаки раскинулись под навесом громадной ивы, стоящей посреди красного двора, и слышно, как они хлопают зубами, ловя в полусне мух. Даже деревья стоят понурые и неподвижные, точно замученные. Все окна, как в барском доме, так и в людских, отворены настежь. Жар так и окачивает сверху горячей волной; земля, покрытая коротенькой, опалённой травой, пылает; нестерпимый свет, словно золотистой дымкой, задрнул окрестность, так что с трудом можно различать приметы. И барский дом, когда-то выкрашенный серой краской, а теперь побелевший, и маленький палисадник перед домом, и берёзовая роща, отделённая от усадьбы проезжей дорогой, и пруд, и крестьянский посёлок, и ржаное поле, начинающееся сейчас за околицей, – всё тонет в светящейся мгле. Всякие запахи, начиная с благоуханий цветущих лип и кончая миазмами скотного двора, густою массой стоят в воздухе. Ни звука. Только с кухни доносится дробное отбивание поварских ножей, предвещающее неизменную крошку и битки за обедом. Внутри господского дома царствует бесшумная тревога. Старуха барыня и две молодые девушки сидят в столовой и, не притрогиваясь к вязанью, брошенному на столе, словно застыли в ожидании. В девичьей две женщины занимаются приготовлением горчичников и примочек, и мерное звяканье ложек, подобно крику сверчка, прорезывается сквозь общее оцепенение. В коридоре осторожно двигаются девчонки на босу ногу, перебегая по лестнице из антресолей в девичью и обратно». (С. 72-73)

«Господа Головлёвы» (12+)

Салтыков-Щедрин, М. Е. Пошехонская старина / М. Е. Салтыков-Щедрин. – Москва : Правда, 1980. – 576 с.– Текст : непосредственный.

«Помещичьи усадьбы того времени (я говорю о помещиках средней руки) не отличались ни изяществом, ни удобствами. Обыкновенно они устраивались среди деревни, чтоб было сподручнее наблюдать за крестьянами; сверх того, место для постройки выбиралось непременно в лощинке, чтоб было теплее зимой. Дома почти у всех были одного типа: одноэтажные, продолговатые, на манер длинных комодов; ни стены, ни крыши не красились, окна имели старинную форму, при которой нижние рамы поднимались вверх и подпирались подставками. В шести-семи комнатах такого четырёхугольника, с колеблющимися полами и нештукатуренными стенами, ютилась дворянская семья, иногда очень многочисленная, с целым штатом дворовых людей, преимущественно девок, и с наезжавшими от времени до времени гостями. О парках и садах не было и в помине; впереди дома раскидывался крохотный палисадник, обсаженный стриженными акациями и наполненный, по части цветов, барскою спесью, царскими кудрями и буро-жёлтыми бураками. Сбоку, поближе к скотным дворам, выкапывался небольшой пруд, который служил скотским водопоем и поражал своей неопрятностью и вонью. Сзади дома устраивался незатейливый огород с ягодными кустами и наиболее ценными овощами: репой, русскими бобами, сахарным горохом и проч., которые, ещё на моей памяти, подавались в небогатых домах после обеда в виде десерта. Разумеется, у помещиков более зажиточных (между прочим, и у нас) усадьбы были обширнее, но общий тип для всех существовал один и тот же. Не о красоте, не о комфорте и даже не о просторе тогда думали, а о том, чтоб иметь тёплый угол и в нём достаточную степень сытости.

Только одна усадьба сохранилась в моей памяти как исключение из общего правила. Она стояла на высоком берегу реки Перлы, и из большого каменного господского дома, утопавшего в зелени обширного парка, открывался единственный в нашем захолустье красивый вид на поёмные луга и на дальние села. Владелец этой усадьбы (называлась она, как и следует, «Отрадой») был выродившийся и совсем расслабленный представитель старинного барского рода, который по зимам жил в Москве, а на лето приезжал в усадьбу, но с соседями не якшался (таково уж исконное свойство пошехонского дворянства, что бедный дворянин от богатого никогда ничего не видит, кроме пренебрежения и притеснения). (С. 27-28)

«Пошехонская старина» (12+)

«Господский дом был трёхэтажный (третьим этажом считался большой мезонин), просторный и тёплый. В нижнем этаже, каменном, помещались мастерские, кладовые и некоторые дворовые семьи; остальные два этажа занимала господская семья и комнатная прислуга, которой было множество.

Кроме того, было несколько флигелей, в которых помещались застольная, приказчик, ключник, кучера, садовники и другая прислуга, которая в горницах не служила». (С. 29-30)

«Пошехонская старина» (12+)

47. Сологуб Фёдор Кузьмич

Сохранение памяти о прошлом, постоянное присутствие в усадьбе знаков прошлого (фамильные портреты, старинные библиотеки, старая мебель) подчёркивает стабильность усадебной культуры, её укоренённость в стремительно меняющемся мире. Связь прошлого и настоящего в жизненном укладе дворянской усадьбы знаменует собой одно из необходимейших условий сохранения и продолжения жизни.

Сологуб, Ф. К. Творимая легенда / Ф. К. Сологуб. – Текст : электронный // ЛИТМИР. Электронная библиотека. – URL : <https://www.litmir.me/br/?b=156700&p=1> (дата обращения: 17.09.2020).

«Дом Триродова стоял в полутора верстах от городской окраины, не у того конца, где дымные и грязные лежали фабричные слободы, а совсем в противоположной стороне, по реке Скородени выше города Скородожа. Этот дом с усадьбою занимал обширный околоток, обнесённый каменною стеною. Одна сторона усадьбы выходила на реку, другая – к городу, остальные – в поле и в лес. Дом стоял в середине старого сада. Из-за каменного белого высокого забора виднелись только вершины деревьев, и между ними, высоко, две башенки над домом, одна несколько выше другой. Казалось, что кто-то смотрит с этой башни на подходящих сестёр».

«Творимая легенда» (16+)

«Комната, где читал Триродов, его кабинет, была большая, светлая и простая, с белым, некрашеным, зеркально-ровным полом. Стены были заставлены открытыми книжными шкапами. В стене против окон между шкапами оставалось узкое, человеку стать, место. Казалось почему-то, что там есть дверь, скрытая под обоями. Посередине комнаты стоял стол, очень большой. На нём лежали книги, бумаги и ещё несколько странных предметов – шестигранные призмы из неизвестного материала, тяжёлые, плотные, тёмно-красного цвета, с багровыми, синими, серыми и чёрными пятнами и прожилками».

«Творимая легенда» (16+)

48. Толстой Лев Николаевич

Русская усадьба стала для Толстого не просто домом, где проходят счастливые детские годы, но и местом, где закаляется характер. Его взгляды

на устройство усадебного быта и образ жизни в целом легли в основу мировоззрения молодого помещика Константина Лёвина – одного из героев романа «Анна Каренина». Для Лёвина усадьба – это не только благодатная почва для ностальгии, но и средство заработка, возможность обеспечить себе и своей семье достойное существование.

Толстой, Л. Н. Анна Каренина : роман в 8 ч. Т. 1 / Л. Н. Толстой. – Москва : Издательство «Правда», 1991. – 496 с. – Текст : непосредственный.

«Кабинет медленно осветился внесённой свечой. Выступили знакомые подробности: оленьи рога, полки с книгами, зеркало печи с отдушником, который давно надо было починить, отцовский диван, большой стол, на столе открытая книга, сломанная пепельница, тетрадь с его почерком. Когда он увидал всё это, на него нашло на минуту сомнение в возможности устроить ту новую жизнь, о которой он мечтал дорогой. Все эти следы его жизни как будто охватили его и говорили ему: «Нет, ты не уйдёшь от нас и не будешь другим, а будешь такой же, каков был: с сомнениями, вечным недовольством собой, напрасными попытками исправления и падениями и вечным ожиданием счастья, которое не далось и невозможно тебе». (С. 105)

«Анна Каренина» (16+)

«Дом был большой, старинный, и Левин хотя жил один, но топил и занимал весь дом. Он знал, что это было глупо, знал, что это даже нехорошо и противно его теперешним новым планам, но дом этот был целый мир для Левина. Это был мир, в котором жили и умерли его отец и мать. Они жили тою жизнью, которая для Левина казалась идеалом всякого совершенства и которую он мечтал возобновить с своею женой, с своею семьёй». (С. 106)

«Анна Каренина» (16+)

Толстой, Л. Н. Война и мир : роман : в 4 т. Т. 1-2 / Л. Н. Толстой. – Москва : Дрофа, 2003. – 816 с. – (Библиотека отечественной классической художественной литературы). – Текст : непосредственный.

«В Лысых Горах, имении князя Николая Андреевича Болконского, ожидали с каждым днем приезда молодого князя Андрея с княгиней; но ожидание не нарушало стройного порядка, по которому шла жизнь в доме старого князя», (С. 119)

«Война и мир» (16+)

«Огромный кабинет был наполнен вещами, очевидно, беспрестанно-употребляемыми. Большой стол, на котором лежали книги и планы, высокие стеклянные шкафы библиотеки с ключами в дверцах, высокий стол для писания в стоячем положении, на котором лежала открытая тетрадь, токарный

станок, с разложенными инструментами и с рассыпанными кругом стружками, – всё выказывало постоянную, разнообразную и порядочную деятельность». (С. 121)

«Война и мир» (16+)

«В столовой, громадно-высокой, как и все комнаты в доме, ожидали выхода князя домашние и официанты, стоявшие за каждым стулом; дворецкий, с салфеткой на руке, оглядывал сервировку, мигая лакеям и постоянно перебегая беспокойным взглядом от стенных часов к двери, из которой должен был появиться князь. Князь Андрей глядел на огромную, новую для него, золотую раму с изображением генеалогического дерева князей Болконских, висевшую напротив такой же громадной рамы с дурно сделанным (видимо, рукою домашнего живописца) изображением владетельного князя в короне, который должен был происходить от Рюрика и быть родоначальником рода Болконских. Князь Андрей смотрел на это генеалогическое дерево, покачивая головой, и посмеивался с тем видом, с каким смотрят на похожий до смешного портрет». (С. 139-140)

«Война и мир» (16+)

«Богучарово лежало в некрасивой, плоской местности, покрытой полями и срубленными и несрубленными еловыми с берёзой лесами. Барский двор находился на конце прямой, по большой дороге расположенной деревни, за вновь вырытым, полно налитым прудом, с не обросшими ещё травой берегами, в середине молодого леса, между которым стояло несколько больших сосен.

Барский двор состоял из гумна, надворных построек, конюшен, бани, флигеля и большого каменного дома с полукруглым фронтоном, который ещё строился. Вокруг дома был посажен молодой сад. Ограды и ворота были прочные и новые; под навесом стояли две пожарные трубы и бочка, выкрашенная зелёною краской; дороги были прямые, мосты были крепкие, с перилами. На всём лежал отпечаток аккуратности и хозяйственности. Встретившиеся дворовые, на вопрос, где живёт князь, указали на небольшой новый флигелёк, стоящий у самого края пруда. Старый дядька князя Андрея, Антон, высадил Пьера из коляски, сказал, что князь дома, и проводил его в чистую маленькую прихожую.

Пьера поразила скромность маленького, хотя и чистенького домика после тех блестящих условий, в которых последний раз он видел своего друга в Петербурге. Он поспешно вошёл в пахнущую ещё сосной, неотштукатуренную маленькую залу и хотел идти дальше, но Антон на цыпочках пробежал вперёд и постучался в дверь». (С. 514)

«Война и мир» (16+)

Толстой, Л. Н. Война и мир : роман : в 4 т. Т. 3-4 / Л. Н. Толстой. – Москва : Дрофа, 2003. – 848 с. – (Библиотека отечественной классической художественной литературы). – Текст : непосредственный.

«Лысые Горы, именье князя Николая Андреича Болконского, находились в шестидесяти верстах от Смоленска, позади его, и в трёх верстах от Московской дороги». (С. 124)

«Война и мир» (16+)

Толстой, Л. Н. Детство / Л. Н. Толстой. – Текст : непосредственный // Толстой, Л. Н. Детство. Отрочество : повести. – Москва : Детская литература, 2003. – С. 15-130. – (Школьная библиотека).

«В середине комнаты стоял стол, покрытый оборванной чёрной клеёнкой, из-под которой во многих местах виднелись края, изрезанные перочинными ножами. Кругом стола было несколько некрашенных, но от долгого употребления залакированных табуретов. Последняя стена была занята тремя окошками. Вот какой был вид из них: прямо под окнами дорога, на которой каждая выбоина, каждый камешек, каждая колея давно знакомы и милы мне; за дорогой – стриженная липовая аллея, из-за которой кое-где виднеется плетёный частокол; через аллею виден луг, с одной стороны которого гумно, а напротив лес; далеко в лесу видна избушка сторожа. Из окна направо видна часть террасы, на которой сиживали обыкновенно большие до обеда». (С. 20)

«Детство» (12+)

Толстой, Л. Н. Утро помещика / Л. Н. Толстой. – Текст : непосредственный // Толстой, Л. Н. Рассказы / Л. Н. Толстой. – Москва : Детская литература, 1978. – С. 60-113. – (Школьная библиотека).

«Было ясное июньское воскресенье, когда Нехлюдов, напившись кофею и пробежав главу «Maison rustique», с записной книжкой и пачкой ассигнаций в кармане своего лёгонького пальто, вышел из большого с колоннадами и террасами деревенского дома, в котором занимал внизу одну маленькую комнатку, и по нечищеным, заросшим дорожкам старого английского сада направился к селу, расположенному по обеим сторонам большой дороги». (С. 63)

«Утро помещика» (16+)

49. Тургенев Иван Сергеевич

Во времена молодости Тургенева усадьба считалась местом, где дворянин мог спрятаться от высшего света, отдохнуть душой и телом. Однако писатель ощущал тревогу – словно скоро усадьба, как оплот надёжности и покоя, исчезнет. Уже тогда в его произведениях появлялись описания ветшающих поместий – так он представлял себе будущее помещичьей культуры России.

Тургенев, И. С. Бригадир / И. С. Тургенев. – Текст : непосредственный // Тургенев, И. С. Записки охотника. Повести и рассказы / И. С. Тургенев. – Москва : Художественная литература, 1979. – С. 491-509. – (Библиотека классики. Русская литература).

«...господский дом, одноэтажный, на кирпичном фундаменте, с зеленоватыми стёклами в узких рамах, с покатою, некогда крашенной крышей, с балкончиком, из которого повыпадали кувшинообразные перила, с кривым мезонином, с безголосой старой собакой в яме под крыльцом; за домом широкий двор с крапивой, полынью и лопухами по углам, службы с захватанными дверями, с голубями и галками на пробуравленных соломенных крышах, погребок с заржавелым флюгером, две-три берёзы с грачиными гнёздами на голых верхних сучьях – а там уже дорога с подушечками мягкой пыли по колеям – и поле, и длинные плетни конопляников, и серенькие избушки деревни, и крики гусей с отдалённых заливных лугов... Знакомо ли тебе все это, читатель? В самом доме всё немножко набок, немножко расшаталось – а ничего! Стоит крепко и держит тепло: печи что твои слоны, мебель сбродная, домодельщина; беловатые протоптанные дорожки бегут от дверей по крашеным полам; в передней чижи и жаворонки в крошечных клетках; в углу столовой громадные английские часы в виде башни, с надписью: «Strike – silent»; в гостиной портреты хозяев, написанные масляными красками, с выражением сурового испуга на кирпичного цвета лицах, а иногда и старая покоробленная картина, представляющая либо цветы и фрукты, либо мифологический сюжет; везде пахнет кваском, яблоком, олифой, кожей; мухи гудят и звенят под потолком и на окнах, бойкий прусак внезапно заиграет усиками из-за зеркальной рамы... Ничего, жить можно – и даже очень недурно можно жить». (С.491-492)

«Бригадир» (12+)

Тургенев, И. С. Дворянское гнездо : роман / И. С. Тургенев. – Москва : Детская литература, 2002. – 237 с. – (Школьная литература). – Текст : непосредственный.

«Перед ним на пригорке тянулась небольшая деревенька; немного вправо виднелся ветхий господский домик с закрытыми ставнями и кривым крыльцом; по широкому двору, от самых ворот, росла крапива, зелёная и густая, как конопля; тут же стоял дубовый, ещё крепкий амбарчик». (С. 70)

«Дворянское гнездо» (12+)

«Небольшой домик, куда приехал Лаврецкий и где два года тому назад скончалась Глафира Петровна, был выстроен в прошлом столетии, из прочного соснового леса; он на вид казался ветхим, но мог простоять ещё лет пятьдесят или более. Лаврецкий обошёл все комнаты и, к великому беспокойству старых, вялых мух с белой пылью на спине, неподвижно сидевших под притолоками, велел всюду открыть окна: с самой смерти

Глафиры Петровны никто не отпирал их. Всё в доме осталось как было: тонконогие белые диванчики в гостиной, обитые глянцевитым серым штофом, протёртые и продавленные, живо напоминали екатерининские времена; в гостиной же стояло любимое кресло хозяйки, с высокой и прямой спинкой, к которой она и в старости не прислонялась. На главной стене висел старинный портрет Фёдорова прадеда, Андрея Лаврецкого; тёмное, желчное лицо едва отделялось от почерневшего и покоробленного фона; небольшие злые глаза угрюмо глядели из-под нависших, словно опухших век; чёрные волосы без пудры щёткой вздымались над тяжёлым, изрытым лбом. На угле портрета висел венок из запыленных иммортелей. «Сами Глафира Петровна изволили плести», – доложил Антон. В спальне возвышалась узкая кровать под пологом из стародавней, весьма добротной полосатой материи; горка полинялых подушек и стёганое жидкое одеяльце лежали на кровати, а у изголовья висел образ Введение во храм Пресвятой Богородицы, тот самый образ, к которому старая девица, умирая одна и всеми забытая, в последний раз приложилась уже хладующими губами. Туалетный столик из штучного дерева, с медными бляхами и кривым зеркальцем, с почернелой позолотой, стоял у окна. Рядом с спальней находилась образная, маленькая комнатка, с голыми стенами и тяжёлым киотом в угле; на полу лежал истёртый, закапанный воском ковёрчик; Глафира Петровна клала на нём земные поклоны». (С. 71-72)

«Дворянское гнездо» (12+)

Тургенев, И. С. Затишье / И. С. Тургенев. – Текст : непосредственный // Тургенев, И. С. Сочинения : в 12 т. Т. 4. Повести и рассказы. Статьи и рецензии. 1844-1854 / И. С. Тургенев. – Москва : Наука, 1980. – 687 с. – С. 380-451.

«В довольно большой, недавно выбеленной комнате господского флигеля, в деревне Сасове, -го уезда, Т... губернии, сидел за старым покоробленным столиком, на деревянном узком стуле молодой человек в пальто и рассматривал счёты. Две стеариновые свечи, в дорожных серебряных шандалах, горели перед ним; в одном углу на лавке стоял открытый погребец, в другом – слуга устанавливал железную кровать. За низкой перегородкой ворчал и шипел самовар; собака ворочалась на только что принесённом сене. В дверях стоял мужик в новом армяке, подпоясанный красным кушаком, с большой бородой и умным лицом, по всем признакам староста; он внимательно глядел на сидевшего молодого человека. У одной стены стояло очень ветхое крошечное фортепьяно, возле столь же древнего комода с дырами вместо замков; между окнами виднелось тёмное зеркальце; на перегородке висел старый, почти весь облупившийся портрет напудренной женщины, в роброне и с чёрной ленточкой на тонкой шее. Судя по заметной кривизне потолка и покатости щелистого пола, флигелёк, в который мы ввели читателя, существовал давным-давно; в нём никто постоянно не жил, он служил для господского приезда». (С. 380)

«Затишье» (12+)

«Усадьба Михаила Николаевича Ипатова состояла из двух отдельных господских домиков, построенных друг против друга по обеим сторонам огромного проточного пруда. Длинная плотина, обсаженная серебристыми тополями, замыкала этот пруд; почти в уровень с ней виднелась красная крыша небольшой мельницы-колотовки. Построенные одинаково, выкрашенные одной лиловой краской, домики, казалось, переглядывались через широкую водную гладь блестящими стёклами своих маленьких чистых окон. Посредине каждого из домиков выдавалась круглая терраса и возвышался острый фронтон, подпёртый четырьмя тесно поставленными белыми колоннами». (С. 387)

«Затишье» (12+)

Тургенев, И. С. Отцы и дети : роман / И. С. Тургенев. – Москва : Детская литература, 2001. – 272 с. – (Школьная литература). – Текст : непосредственный.

«Четверть часа спустя оба экипажа остановились перед крыльцом нового деревянного дома, выкрашенного серою краской и покрытого железною красною крышей. Это и было Марьино, Новая слободка тож, или, по крестьянскому наименованью, Бобылий хутор». (С. 16)

«Отцы и дети» (12+)

«Когда Николай Петрович размежевался с своими крестьянами, ему пришлось отвести под новую усадьбу десятины четыре совершенно ровного и голого поля. Он построил дом, службы и ферму, разбил сад, выкопал пруд и два колодца; но молодые деревца плохо принимались, в пруде воды набралось очень мало, и колодцы оказались солонковатого вкуса. Одна только беседка из сирени и акаций порядочно разрослась; в ней иногда пили чай и обедали». (С. 21)

«Отцы и дети» (12+)

«Павел Петрович остался один и на этот раз с особенным вниманием оглянулся кругом. Небольшая, низенькая комнатка, в которой он находился, была очень чиста и уютна. В ней пахло недавно выкрашенным полом, ромашкой и мелиссой. Вдоль стен стояли стулья с задками в виде лир; они были куплены ещё покойником генералом в Польше, во время похода; в одном углу возвышалась кровать под кисейным пологом, рядом с кованым сундуком с круглою крышкою. В противоположном углу горела лампадка перед большим тёмным образом Николая-чудотворца; крошечное фарфоровое яичко на красной ленте висело на груди святого, прицепленное к сиянию; на окнах банки с прошлогодним вареньем, тщательно завязанные, сквозили зелёным светом; на бумажных их крышках сама Фенечка написала крупными буквами: «кружовник»; Николай Петрович любил особенно это варенье. Под потолком, на длинном шнурке, висела клетка с короткохвостым чижом; он беспрестанно чирикал и прыгал, и клетка беспрестанно качалась и дрожала:

конопляные зёрна с лёгким стуком падали на пол. В простенке, над небольшим комодом, висели довольно плохие фотографические портреты Николая Петровича в разных положениях, сделанные заезжим художником; тут же висела фотография самой Фенечки, совершенно не удавшаяся: какое-то безглазое лицо напряжённо улыбалось в тёмной рамочке, – больше ничего нельзя было разобрать; а над Фенечкой – Ермолов, в бурке, грозно хмурился на отдалённые Кавказские горы, из-под шёлкового башмачка для булавок, падавшего ему на самый лоб». (С. 41-42)

«Отцы и дети» (12+)

«А Павел Петрович вернулся в свой изящный кабинет, оклеенный по стенам красивыми обоями дикого цвета, с развешанным оружием на пёстром персидском ковре, с ореховой мебелью, обитой тёмно-зелёным трипом, с библиотекой renaissance (с франц. «в стиле эпохи Возрождения»). – из старого чёрного дуба, с бронзовыми статуэтками на великолепном письменном столе, с камином...» (С. 46)

«Отцы и дети» (12+)

«Небольшой дворянский домик на московский манер, в котором проживала Авдотья Никитишна (или Евдоксия) Кукшина, находился в одной из нововыгоревших улиц города ***; известно, что наши губернские города горят через каждые пять лет. У дверей, над криво прибитою визитною карточкой, виднелась ручка колокольчика, и в передней встретила пришедших какая-то не то служанка, не то компаньонка в чепце – явные признаки прогрессивных стремлений хозяйки. Ситников спросил, дома ли Авдотья Никитишна?» (С. 73)

«Отцы и дети» (12+)

«Усадьба, в которой жила Анна Сергеевна, стояла на пологом открытом холме, в недалеком расстоянии от жёлтой каменной церкви с зелёною крышей, белыми колоннами и живописью *al fresco* 1 над главным входом, представлявшею «Воскресение Христово» в «итальянском» вкусе. Особенно замечателен своими округлёнными контурами был распростёртый на первом плане смуглый воин в шишаке. За церковью тянулось в два ряда длинное село с кое-где мелькающими трубами над соломенными крышами. Господский дом был построен в одном стиле с церковью, в том стиле, который известен у нас под именем Александровского; дом этот был также выкрашен жёлтою краской, и крышу имел зелёную, и белые колонны, и фронтон с гербом. Губернский архитектор воздвигнул оба здания с одобрения покойного Одинцова, не терпевшего никаких пустых и самопроизвольных, как он выражался, нововведений. К дому с обеих сторон прилегали тёмные деревья старинного сада, аллея стриженных ёлок вела к подъезду.

Прятей наших встретили в передней два рослых лакея в ливрее; один из них тотчас побежал за дворецким. Дворецкий, толстый человек в чёрном фраке, немедленно явился и направил гостей по устланной коврами лестнице

в особую комнату, где уже стояли две кровати со всеми принадлежностями туалета. В доме видимо царствовал порядок: всё было чисто, всюду пахло каким-то приличным запахом, точно в министерских приёмных». (С. 89-90)

«Отцы и дети» (12+)

«Полчаса спустя Базаров с Аркадием сошли в гостиную. Это была просторная, высокая комната, убранная довольно роскошно, но без особенного вкуса. Тяжёлая, дорогая мебель стояла в обычном чопорном порядке вдоль стен, обитых коричневыми обоями с золотыми разводами; покойный Одинцов выписал её из Москвы через своего приятеля и комиссионера, винного торговца. Над средним диваном висел портрет обрюзглого белокурого мужчины – и, казалось, недружелюбно глядел на гостей. «Должно быть, сам, – шепнул Базаров Аркадию и, сморщив нос, прибавил: – Аль удрать?» (С. 90)

«Отцы и дети» (12+)

«Весь его домик состоял из шести крошечных комнат. Одна из них, та, куда он привел наших приятелей, называлась кабинетом. Толстоногий стол, заваленный почерневшими от старинной пыли, словно прокопченными бумагами, занимал весь промежуток между двумя окнами; по стенам висели турецкие ружья, нагайки, сабля, две ландкарты, какие-то анатомические рисунки, портрет Гуфеланда, вензель из волос в чёрной рамке и диплом под стеклом; кожаный, кое-где продавленный и разорванный, диван помещался между двумя громадными шкафами из карельской березы; на полках в беспорядке теснились книги, коробочки, птичьи чучелы, банки, пузырьки; в одном углу стояла сломанная электрическая машина». (С. 127)

«Отцы и дети» (12+)

Тургенев, И. С. Фауст / И. С. Тургенев. – Текст : непосредственный // Тургенев, И. С. Отцы и дети. Повести. Рассказы. Стихотворения в прозе / И. С. Тургенев. – Москва : Олимп, АСТ, 1999. – С. 315-355. – (Школа классики).

«Домишко мой, уже давно ветхий, теперь чуть держится, весь покривился, врос в землю. Добрая моя Васильевна, ключница (ты её, наверно, не забыл: она тебя таким славным вареньем потчевала), совсем высохла и сгорбилась; увидав меня, она даже вскрикнуть не могла и не заплакала, а только заохала и раскашлялась, села в изнеможении на стул и замахала рукою. Старик Терентий ещё бодрится, по-прежнему держится прямо и на ходу выворачивает ноги, вдетые в те же самые жёлтые нанковые панталончики и обутые – в те же самые скрипучие козловые башмаки, с высоким подъёмом и бантиками, от которых ты не однажды приходил в умиление... Но, боже мой! – как болтаются теперь эти панталончики на его худеньких ногах! как волосы у него побелели! и лицо совсем съёжилось в кулачок; а когда он заговорил со мной, когда он начал распоряжаться и отдавать приказания в соседней

комнате, мне и смешно и жалко его стало. Все зубы у него пропали, и он шамкает с присвистом и шипеньем.» (С. 315-316)

«Фауст» (12+)

«Я, так же как и ты, очень люблю старые пузатые комоды с медными бляхами, белые кресла с овальными спинками и кривыми ножками, засиженные мухами стеклянные люстры, с большим яйцом из лиловой фольги посередине, – словом, всякую дедовскую мебель; но постоянно видеть всё это не могу: какая-то тревожная скука (именно так!) овладеет мною. В комнате, где я поселился, мебель самая обыкновенная, домодельщина; однако я оставил в углу узкий и длинный шкаф с полочками, на которых сквозь пыль едва виднеется разная старозаветная дутая посуда из зелёного и синего стекла; а на стене я приказал повесить, помнишь, тот женский портрет, в чёрной раме, который ты называл портретом Манон Леско. Он немного потемнел в эти девять лет; но глаза глядят так же задумчиво, лукаво и нежно, губы так же легкомысленно и грустно смеются, и полуощипанная роза так же тихо валится из тонких пальцев. Очень забавляют меня шторы в моей комнате. Они когда-то были зелёные, но пожелтели от солнца: по ним чёрными красками написаны сцены из д'арленкуровского «Пустынника». На одной шторе этот пустынный, с огромнейшей бородой, глазами навыкате и в сандалиях, увлекает в горы какую-то растрёпанную барышню; на другой – происходит ожесточённая драка между четырьмя витязями в беретах и с буфами на плечах; один лежит, en gassouci, убитый – словом, все ужасы представлены, а кругом такое невозмутимое спокойствие, и от самых штор ложатся такие кроткие отблески на потолок...» (С. 317-318)

«Фауст» (12+)

50. Чехов Антон Павлович

Обветшавшие усадьбы в произведениях А. П. Чехова – заросшие бурьяном, лопухами, крыжовником и малиной. Опустевшая или разорённая усадьба как место событий фигурирует практически в каждом рассказе писателя.

Чехов, А. П. Дом с мезонином / А. П. Чехов. – Текст : непосредственный // Чехов, А. П. Избранное : рассказы, повести, пьесы. Воспоминания писателей о Чехове / А. П. Чехов. – Москва : Эксмо, 2003. – С. 342-359. – (Русская классика).

«Это было 6-7 лет тому назад, когда я жил в одном из уездов Т-ой губернии, в имении помещика Белокурова, молодого человека, который вставал очень рано, ходил в поддевке, по вечерам пил пиво и всё жаловался мне, что он нигде и ни в ком не встречает сочувствия. Он жил в саду во флигеле, а я в старом барском доме, в громадной зале с колоннами, где не было никакой мебели, кроме широкого дивана, на котором я спал, да ещё стола, на

котором я раскладывал пасьянс. Тут всегда, даже в тихую погоду, что-то гудело в старых амосовских печах, а во время грозы весь дом дрожал и, казалось, трескался на части, и было немножко страшно, особенно ночью, когда все десять больших окон вдруг освещались молнией». (С. 342)

«Дом с мезонином» (12+)

Чехов, А. П. Дядя Ваня / А. П. Чехов. – Текст : непосредственный // Чехов, А. П. Повести и рассказы / А. П. Чехов. – Москва : Художественная литература, 1971. – С. 430-475.

«Так уж лучше это не в Харькове и не где-нибудь в Курске, а здесь, на лоне природы... Поэтично, по крайней мере, даже очень красиво... Здесь есть лесничество, полуразрушенные усадьбы во вкусе Тургенева...» (С. 471)

«Дядя Ваня» (12+)

Чехов, А. П. Крыжовник / А. П. Чехов. – Текст : непосредственный // Чехов, А. П. Повести и рассказы / А. П. Чехов. – Москва : Художественная литература, 1971.– С. 74-83.

«Дом был большой двухэтажный. Алёхин жил внизу, в двух комната со сводами и с маленькими окнами... Наверху же, в парадных комнатах, он бывал редко, только когда приезжали гости». (С. 75)

«Крыжовник (12+)

Чехов, А. П. Новая дача / А. П. Чехов. – Текст : непосредственный // Чехов, А. П. Повести и рассказы / А. П. Чехов. – Москва : Художественная литература, 1971. – С. 132-144.

«Купили двадцать десятин земли, и на высоком берегу, на полянке, где раньше бродили обручановские коровы, построили красивый двухэтажный дом с террасой, с балконами, с башней и со шпилем, на котором по воскресеньям взвивался флаг, – построили в какие-нибудь три месяца и потом всю зиму сажали большие деревья, и, когда наступила весна и всё зазеленело кругом, в новой усадьбе были уже аллеи, садовник и двое рабочих в белых фартуках копались около дома, бил фонтанчик, и зеркальный шар горел так ярко, что было больно смотреть. И уже было название у этой усадьбы: Новая дача». (С. 132-133).

«Новая дача» (12+)

Чехов, А. П. Три сестры / А. П. Чехов. – Текст : непосредственный // Чехов, А. П. Повести и рассказы / А. П. Чехов. – Москва : Художественная литература, 1971.– С. 476-538.

«В доме Прозоровых. Гостиная с колоннами, за которыми виден большой зал. Полдень; на дворе солнечно, весело. В зале накрывают стол для завтрака». (С. 486)

«Три сестры» (12+)

Чехов, А. П. Чёрный монах / А. П. Чехов. // Чехов, А. П. Избранное : рассказы, повести, пьесы. Воспоминания писателей о Чехове / А. П. Чехов. – Москва : Эксмо, 2003. – С. 275-304. – (Русская классика), – Текст : непосредственный.

«Дом у Песоцкого был громадный, с колоннами, со львами, на которых облупилась штукатурка, и с фрачным лакеем у подъезда». (С. 275)

«Чёрный монах» (12+)

51. Чулков Георгий Иванович

Усадьба Г. И. Чулкова является местом обитания всего рода, родовым гнездом, где сходятся пути мёртвых и живых, где совершается своеобразный круговорот бытия, образующий «загадочную кровную связь».

Чулков, Г. И. Серёжа Нестроев / Г. И. Чулков. – Текст : электронный // Lib.ru. – URL : http://az.lib.ru/c/chulkow_g_i/text_1914_serezha_nestroeв.shtml (дата обращения: 17.09.2020).

«Мухраевская усадьба, где Нестроевы нанимали дачу, стояла на реке Мухраевке, небольшой, но быстрой, с ивами на берегу, склонявшими в воду покорно свои девичьи косы. Окна Серёжиной комнаты выходили в сад. Сережа видел сейчас купы деревьев, которые луна одела серебряною тафтою, видел белеющую дорожку, мостик и купальню на реке».

«Серёжа Нестроев» (16+)

52. Шмелёв Иван Сергеевич

Дом часто становится героем произведений писателя. Усадебный дом в произведениях И. С. Шмелёва – это прощание с уходящей стариной помещичьих усадеб.

Шмелёв, И. С. Неупиваемая чаша / И. С. Шмелёв. – Текст : непосредственный // Шмелёв, И. С. Избранные сочинения : в 2 т. Т. 1 : Повести и рассказы. Солнце мёртвых / И. С. Шмелёв. – Москва : Литература, 1999. – С. 392-444. – (Всемирная литература).

«Идут осматривать дом. Он глядит в парк, в широкую аллею, с чёрной Флорой на пустой клумбе. Он невысокий, длинный, подковой, с плоскими

колонками и огромными окнами по фасаду – напоминает оранжерею. Кто говорит – ампир, кто – барокко. Спрашивают сторожа:

– А может, и рококо?

– А мне что... Может, и она.

Входят со смехом, идут анфиладой: банкетные, боскетные, залы, гостиные – в зеленоватом полусвете от парка. Смотрит немо карельская берёза, красное дерево; горки, угольные диваны-исполины, гнутые ножки, пузатые комоды, тускнеющая бронза, в пыли уснувшие зеркала, усталые от вековых отражений. Молодежь выписывает по пыли пальцами: Анюта, Костя... Оглядывают портреты: тупеи, тугие воротники, глаза навывкат, насандаленные носы, парики – скука.

– Вот красавица!

Из-за этого портрета и смотрят дом.

– Глаза какие!

Портрет в овальной золочёной раме. Очень молодая женщина в чёрном глухом платье, с чудесными волосами красноватого каштана. На тонком бледном лице большие голубые глаза в радостном блеске: весеннее переливается в них, как новое после грозы небо, – тихий восторг просыпающейся женщины. И порыв, и наивно-детское, чего не назовёшь словом». (С. 393)

«Неупиваемая чаша» (12+)

Алфавитный указатель авторов

А
Аксаков С. Т. – 1. 27
Анненский И. Ф. – 2

Б
Бальмонт К. Д. – 28
Белый Андрей – 29
Брюсов В. Я. – 30
Булгаков М. А. – 3. 31
Бунин И. А. – 4. 32

Г
Гоголь Н. В. – 5. 33
Гончаров И. А. – 6. 34
Гумилёв Н. С. – 35

Д
Достоевский Ф. М. – 36

З
Зайцев Б. К. – 7. 37

И
Иванов В. И. – 8

К
Копыткин С. А. – 38
Короленко В. Г. – 9
Куприн А. И. – 10

Л
Лесков Н. С. – 11. 39

Лукашевич К. В. – 40

М
Мережковский Д. С. – 12

Н
Набоков В. В. – 41

П
Пастернак Б. Л. – 13. 42
Помяловский Н. Г. – 14
Пушкин А. С. – 15. 43

Р
Романов П. С. – 16. 44

С
Садовской Б. А. – 17. 45
Салтыков-Щедрин М. Е. – 18. 46
Сологуб Ф. К. – 19. 47

Т
Толстой А. Н. – 20
Толстой Л. Н. – 21. 48
Тургенев И. С. – 22. 49

Ф
Фет – 23

Ч
Чехов А. П. – 24. 50
Чулков Г. И. – 25. 51

Ш
Шмелёв И. С. – 26. 52

Алфавитный указатель заглавий

А

Анна – 7
Анна Каренина – 48
Антоновские яблоки – 4. 32

Б

Барышня-крестьянка – 43
Белая гвардия – 3. 31
Бригадир – 22. 49

В

В лепоту облечеся – 8
Война и мир – 48
В полях забытые усадьбы... – 30

Г

Глаза прикрою – 41
Голубая звезда – 7, 37
Господа Головлёвы – 46
Грамматика любви – 32
Гранатовый браслет – 10

Д

Дворянское гнездо – 22, 49
Деревня – 32
Детские годы Багрова-внука – 1, 27
Детство – 16, 44, 48
Дневник лишнего человека – 22
Доктор Живаго – 13, 42
Дом с мезонином – 24, 50
Дубровский – 43
Дядюшкин сон – 36
Дядя Ваня – 50

Е

Евгений Онегин – 43
Ж

Жизнь Арсеньева – 4, 32

З

Запустение – 4
Затишье – 22, 49

К

Капитанская дочь – 15
Крыжовник – 50

Л

Лебединые клики – 17, 45

М

Машука Налымов – 20
Мечтатель (Аггей Коровин) – 20
Мёртвые души – 5, 33
Мещанское счастье – 14
Митина любовь – 32
Моё милое детство – 40

Н

На даче – 32
На ножах – 11, 39
Неупиваемая чаша – 26, 52
Новая дача – 50
Nox vitae – 2

О

Обрыв – 6, 34
Обыкновенная история – 6
Отцы и дети – 49
Очерк Растрелли – 38

П

Памяти Тургенева – 28
Пошехонская старина – 18, 46
Пугливая тишина – 26

Р

Русь – 44

С

Семейное счастье – 21
Серёжа Нестроев – 25, 51
Слепой музыкант – 9
Старина – 35
Старинные октавы – 12
Старый сад – 23
Суходол – 4, 32

Т

Творимая легенда – 19, 47
Три сестры – 50

У

Усадьба – 29
Утро помещика – 48

Ф

Фауст – 22, 49

Ч

Чайка – 24
Чёрный монах – 24, 50

Ю

Юность – 21